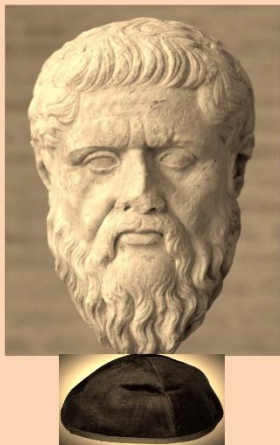

«ПАРМЕНИДОМ» ПО ЛОСЕВЕДАМ

(...хотя лосеведам это "по-пармениду")

Сакович В.В.

Что метафизики не хотят видеть

в

произведении Платона

« Парменид »

ФШ

В.В.Сакович

«Парменидом» по лосеведам

(хотя... лосеведам это "по-пармениду")

2018

Сакович В. В.

«Парменидом» по лосеведам

Будет интересно всем, кто соприкасался когда-либо с необычным сочинением Платона – «*Парменид*». Если после чтения первых страниц не будет интересно, то уже и не будет. Метафизикам с повышенным кровяным давлением читать не рекомендуется. Других противопоказаний – нет.

Разрешение известных парадоксов приведены в *Приложении* как иллюстрации к основному тексту. Их можно перед прочтением сжечь.

© Сакович В. В., 2018

ВВЕДЕНИЕ	4
1 КОНЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ	6
2 ПЕРВАЯ РЕМАРКА – КОМОМ (В ГОРЛЕ)	10
3 ЗАЧЕМ ПЛАТОНУ ЛЖЕ-АРИСТОТЕЛЬ?	15
4 О ПРОБЛЕМЕ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ	18
5 ЦЕЛЬ НАПИСАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	20
6 «А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?»	22
7 ПОДАЙТЕ ИДЕЮ... НА ПРОПИТАНИЕ	29
8 НЕОПЛАТОНИКИ И ПЕРИПАТЕТИКИ	33
<i>ПРИЛОЖЕНИЯ</i>	42
<i>«Ахиллес и черепаха» - апория Зенона</i>	43
Парадокс лжеца	45
Парадокс брадобреля	46
Разрешить или запретить парадокс Рассела?	47
Парадокс «Колесо» Аристотеля	51

Введение

Сочинение Платона «Парменид» более двух тысяч лет привлекает внимание философов, теологов, историков, да и вообще – широкий круг читателей. Оно считается одним из самых обсуждаемых произведений античной культуры. Платоноведы иногда по-разному толкуют отдельные фрагменты, а также смыслы некоторых древнегреческих понятий, но они сходятся во мнении относительно основной идеи этого произведения.

Считается, что главная его идея – это... идея. Вернее – идеи, а ещё точнее – учение об идеях: и об идее вообще, и о некоторых конкретных идеях, в частности. Среди последних принято выделять особо идейные идеи, например, идею целого и частей (*единого и многого*), а также идею существования идеи, идею принадлежности чего-либо к идее, а также наоборот – принадлежности идеи к чему-либо и т.д.

Все, комментаторы творчества Платона, конечно же, согласились бы с тем, что создание *учения об идеях* было той главной целью, которую ставил перед собой автор «Парменида».

Понятно, что философское сообщество посчитало бы неадекватным любого, кто утверждал бы нечто противоположное, а именно, что:

- *учение об идеях* вовсе не было целью написания Платоном этого сочинения;
- само произведение вообще не является каким-либо учением о чём-либо, в том числе и *учением об идеях*;
- превознося это сочинение в качестве *учения об идеях*, платоноведы тем самым преуменьшили его реальную значимость.

Замечание: всё дальнейшее изложение выстроено именно для доказательства прав омерности этих "неадекватных" утверждений.

Несмотря на очевидность наличия темы об идеях в этом сочинении, "безыдейное" его прочтение позволит, как это будет показано дальше, увидеть, что эта тема была выбрана автором лишь в качестве наглядного примера – фона. Платон вполне мог бы выбрать из своих "запасников" другую тему в качестве такого фона, и ценность его работы от этого не пострадала бы. Однако проблема подкралась с неожиданной стороны.

Изображая с такой тщательностью дискуссии об идеях, Платон не мог себе вообразить, что именно отточенность описания сыграет такую злую шутку с будущими метафизиками – комментаторами «Парменида». Они, – попав под гипноз изображённых автором "идейных" аспектов, – приняли этот задний (фоновый) план в качестве основного в сочинении.

Поскольку философская среда только метафизикам предоставляет привилегию впасть в гипноз, надо сразу предупредить, что дальнейший анализ не покушается ни на эту привилегию, ни на заимствование иных традиционных "метафизических ценностей".

Далее, говоря о *платоноведах*, в первую очередь имеются в виду те толкователи платоновского наследия, метафизические взгляды которых в большей или меньшей степени напоминают теологические. Исторически так вышло, что именно их глазами читатель как бы вынужден прочитывать Платона.

Филолог и богослов Бенджамин Джоуитт (1817-1893) – один из самых известных платоноведов. Его обширные комментарии предворяют его перевод «Парменида» на английский язык.

Один из переводчиков Платона на русский – проф. Духовной Академии, философ В.Н.Карпов (1798-1867) – тоже типичный платоновед. Объём его комментариев к «Пармениду» (введение и сноски) больше самого произведения в два раза.

К этой же плеяде видных исследователей древнегреческой культуры принадлежит профессор А.Ф.Лосев (1893-1988) и его ближайшее окружение – те, кто поддерживает его взгляды.

[Поэтому шуточное "*лосеведы*" будет далее использоваться, чтобы подчеркнуть современное состояние платоноведения.]
Комментарии Лосева к переводу «Парменида» на русский (Н.Н.Томасовым) не столь обширны, как у других. Но они важны, так как сопровождают все последние издания Платона в России.

Первоначалом же "воистину истинно идейного" исследования данного сочинения следует считать знаменитого философа Д.Прокла (412-485 гг. н.э.). Он завершил возведение Платона в ранг религиозного культа начатое Плотиним (204 -270 гг. н.э.). Впрочем, Проклу это было "положено по штату", ведь он долгое время возглавлял Платоновскую Академию, основанную почти за 800 лет до него.

1 Конец – делу венец

Замахнувшись так легкомысленно на святая святых академической школы платонизма, логично было бы и анализ произведения начать на такой же легкомысленной ноте. Начать – с конца.

Самая объёмная, завершающая часть – почти 80% от всего текста – это дискуссия Парменида с Аристотелем, представляющая собой как бы отдельное целое.

Тут сразу надо отметить не только то, что собеседник Парменида не совсем тот Аристотель “чей надо” Аристотель (в смысле, не настоящий), но важно и то, что сама дискуссия – это лишь якобы дискуссия. Причём, на это нам прямо указывает сам автор, когда перед её началом Парменид просит общественность выдать ему такого непритязательного оппонента, чтобы «...его ответы были бы для меня передышкой».

Так и случилось: в якобы главной части платоновского сочинения, якобы Аристотель, в якобы дискуссии по якобы главной теме, исполнил роль якобы оппонента, безусловно удовлетворив якобы унижительную просьбу Парменида.

Примечание: все эти “якобы” получают далее полные разъяснения, включая и ответ на наивнейший вопрос – зачем Платону понадобился персонаж в виде оппонента, который... не оппонирует? Об этом будет дальше сказано со всей подробностью.

Но сейчас, не дожидаясь разъяснений, уже можно и надо удивиться той сплочённости платоноведов всех стран и эпох, которые настаивают на том, что главным в сочинении является учение об идеях. Выходит, что их любимый автор (“его преосвященство” – Платон) предваряет дискуссию по якобы главному предмету своего учения таким вот высказыванием своего главного героя: господа, просьба предоставить мне для дискуссии на эту главную тему... э-э, кого-нибудь попроще!

Возможно, профессиональные почитатели Платона считают такой нюанс в тексте просто случайным ляпом. Ну, мол, немного болтливым оказался наш старик Платон – простим ему это с высоты полёта нашей (подчеркнём!) философской мысли. Однако, тут “в президиум” поступила записка с просьбой отложить на некоторое время процедуру прощения Платону допущенной им нелепости. Может оказаться, что и прощать-то будет нечего! А то ещё и... награждать придётся.

Итак, вчитаемся в то, что говорит нам Парменид, подводя итоги этой якобы дискуссии? Конспективно они звучат так:

Следовательно, его [единое] нельзя себе мыслить... ни как подобное, ни как неподобное... ни как тождественное, ни как различное... ни как соприкасающееся, ни как обособленное, ни как имеющее другие признаки, которые... и т.д. Оно [иное] обнаруживает, что... ничем таким иное не может ни быть, ни казаться, если единое не существует..., то ничего не существует... и существует ли единое или не существует, и оно и иное... по отношению к самим себе и друг к другу безусловно суть и не суть, кажутся и не кажутся.

Представленные Платоном выводы выглядят полным абсурдом – противоречиями высшей пробы. Нам предстоит убедиться, что это абсурд с большой буквы, гениально сконструированный абсурд. Причём, это не шутка. Скорее шуткой можно считать вразумительность пояснений всего этого нашими выдающимися платоноведами и "лосеведами".

Методы прочтения мыслей Платона (не столько через текст, сколько "напрямую") – типичны для метафизиков. Разбирая эти платоновские "навороты", они обнаруживали некий "тайный ход карт", придавая всему этому такие замысловатые разъяснения, которые могут непредвзятому читателю показаться выбиванием клина клином: абсурд – абсурдом.

Вероятно, они искренне пытались оформленные Платоном итоговые выводы обосновать при помощи несравненно более глубоких мыслей, чем те, которыми мог бы оперировать их кумир.

Как будет показано далее, платоноведы неверно осознавали ту цель, ту задачу, которую ставил перед собой Платон во время работы над этим произведением. Отображение в тексте гениально оформленных противоречий они воспринимали за "чистую монету", то есть, не считали их противоречиями. Отсюда и неверная интерпретация всего сочинения как некоего "учения о...".

Обо всё этом – впереди. А пока – небольшое бытовое отступление.

Представим себе на минутку, что его – Платона – хотя бы бегло, но всё же изучают, так сказать, в семье и школе. Приходит, допустим, ученик 9-го класса из школы и приносит вышеприведённый набросок основных выводов из произведения "Парменид", чтобы на этих мыслях "учиться, учиться, и ещё раз – учиться"...

...Вырвав из тетради лист с записью этих выводов, он подходит с этим к отцу, чтобы тот подсказал хотя бы направление мысли по проблеме "что делать?" с этим отрывком от самого Платона, и "с чего начать?" постижение древнегреческой истины.

Ситуация, в зависимости от национальных особенностей, возможно выглядела бы так:

– русский папа отправился бы немедленно в магазин за бутылкой, причём мать, ознакомившись с содержанием вырванной страницы, не посмела бы преградить мужу дорогу;

– американский папа воспользовался бы случаем напомнить сыну о незыблемой свободе слова в стране: и ты, сынок, можешь такое говорить, даже возле Конгресса;

– еврейский папа дал бы ребёнку несколько шекелей, чтобы тот ни в чём себе не отказывал, и заодно поинтересовался бы: может школьной учительнице нужно кого устроить;

– украинский батько сказал бы что-нибудь про эту москальську мову, и воскликнул бы: "А поворотись-ка, сын!.. И эдак все ли в вашей академии ходят с такими вот бумагами?";

– китайский папа взял бы сына за руку, подошёл бы с ним к окну, и, устремив задумчивый взгляд на уходящую за горизонт дорогу, рассказал бы что-нибудь из вечного Дао;

– англичанин указал бы ребёнку на тот факт, что когда-то, мол, и мы были сильной нацией – владычицей морей, а сейчас, к сожалению, не в состоянии освоить древний, тысячи раз объяснённый текст...

– и т.д.

Вся эта бытовуха не учитывает одну важную деталь... хотя с деталью было бы ещё грустнее. Дело в том, что эти возможные отцовские реакции относятся к итогам представленной Платоном дискуссии – к выводам. Но ведь у Платона эти выводы предварялись довольно-таки здравыми доказательствами! И если чтение лишь выводов может заставить папу ученика побежать в магазин за водкой, то какую можно ожидать от него реакцию после чтения логичных обоснований всему этому абсурду?!

Ведь, тогда может возникнуть мысль о сумасшедшем доме. Тут нет особых преувеличений. Такой вариант событий отмечен в произведении. Этот нюанс ещё будет проанализирован далее, а пока...

...А пока лишь посетуем на то, что комментаторы Платона даже и не пытались встать на место таких вот *мальчишек и девчонок, а также их родителей*, учителей и другой уважаемой читательской публики.

Вместо этого они уже столетиями выискивают в тексте всё новые идейные “оттенки серого” для обоснования... собственных (подчеркнём ещё раз) метафизических измышлений. А в тех случаях, когда некоторые фрагменты сочинения не вписываются в теорию, то – ату их! – милостиво позволим Платону иногда и глупость сморозить.

Кажется, настал черёд расследовать всё это последовательно.

Не забудем только, что в дальнейшем потребуются ответить на один образовавшийся ключевой вопрос, а именно: **зачем**, – с какой целью Платон конструировал такие красивые рассуждения, которые в конце концов, – в финальных тирадах Парменида, – явно и демонстративно оформились в качестве не менее красивого “победоносного абсурда”?

2 Первая ремарка – комом (в горле)

Теперь подступимся к проблеме с другой стороны – не с конца, а с начала. Возможно, это покажется кому-то смешным, но сначала давайте под началом произведения понимать его суперначало – самое что ни на есть начало, такое начальное начало, что дальше уже некуда!

Вчитаемся в первую же строку-ремарку после заглавия:

«Кефал (рассказывает)»

Дальше, как говорится, не надо. Пока не надо. На этом "фрагменте" текста необходимо задержаться подольше. Сейчас будет ясно почему.

Для этого вспомним некоторые биографические данные. В первую очередь следует поинтересоваться, когда же произошли указанные в произведении события, то есть сам разговор между Зеноном, Сократом и Парменидом.

Платон уделяет этому должное внимание. Вот что он пишет:

«Парменид был уже очень стар, совершенно сед, но красив и предстателен; лет ему было примерно за шестьдесят пять. Зенону же тогда было около сорока...»

По дате рождения Зенона, довольно легко догадаться, что это был примерно 450-й год до н.э. Сократу, следовательно, было около 20 лет, Платону ещё предстояло через два десятилетия родиться. Написал же он это произведение, когда ему было, примерно... 65 лет.

Ох, и неспроста автор указывает на очередную "малосущественную" деталь о том, что, мол, человек этого возраста *«уже очень стар»*. Об этом ещё успеем поговорить, но пока очень важно отметить следующее.

Сократ – друг и учитель Платона, непосредственный участник беседы с Парменидом. Именно от его лица Платон мог бы рассказать о событиях 85-летней давности. Ведь как раз так он и делал во многих своих сочинениях – излагал философию Сократа через его диалоги с другими... А тут почему-то... К тому же, – по словам вышеупомянутого Кефала, – само событие встречи все местные любители философии запомнили надолго. Оно совсем не было рядовым! Как же так?

Неужели Сократ скрывал от Платона эту знаменательную беседу? Выходит, что лишь случайный прохожий – некий Кефал – пролил свет на эту "тайную вечерю".

Итак, первой же короткой фразой Платон сообщает читателю, что всё произведение — это рассказ какого-то... Кефала. Ну, конечно же, тут опять очередной ляп — непродуманность сочинения шестидесяти пятилетнего мыслителя! Не стоит на такую ерунду обращать внимание!

Однако дальше Платон почему-то усугубляет заданный начальной ремаркой темп развития “небрежностей” в тексте. Не жалея пергамента, он для чего-то описывает вроде бы совершенно “никчемные” детали, из которых мимоходом выясняется, что и сам Кефал услышал эту беседу от не более известного нам Антифонта. Более того, и сам Антифонт, как оказывается, заучил эту повесть со слов другого афинского гражданина — заведующего тамошним клубом любителей философии — Пифодора.

Опять же, возникает вопрос — как долго платоноведы собираются стоять “в третьей позиции”, не предпринимая даже попыток объяснить причины (подчеркнём) столь странных особенностей текста? Неужели они и вправду считают, что эти нюансы получились у Платона в связи со старческой невнимательностью (или и того хуже — невменяемостью)?

Ведь наивность нашего вопроса поразительна: мы позволили себе усомниться, что Платон — ученик Сократа и учитель Аристотеля — философ, почитаемый во всём мире, не мог пресечь в себе излишнюю болтливость!

Если болтливость Платона не принимать по умолчанию, то пора уже высказать хотя бы такое допущение: начиная произведение с ремарки «*Кефал рассказывает*», автор чуть ли не прямо говорит: суть данного произведения не в исключительной точности диалогов, а ищи, мол, в чём-то другом.

Воспримем это так, как дрессированная собака понимает команду «*Искать!*». Такое сравнение не следует считать обидным и, кроме того, приказ командира-Платона — это ведь закон для подчинённого-читателя. Спешить, впрочем, тоже не надо. Искать следует не торопясь, обдумывая каждый шаг. Однако не следует и забывать, что со времён Платона уже прошло вполне достаточно времени, чтобы подготовительный период считать законченным. Может быть, уже настала пора пошевелиться?

Кстати, здесь опять не до шуток, ибо и в этих сарказмах лишь доля сарказма — намного меньшая, чем это может показаться на первый взгляд. Впрочем, у Платона об этом говорится без всякой иронии — надо только внимательно читать. Ведь Сократ совсем не был в обиде на Зенона, когда тот сравнил его с «*лаконскими щенками*», которых греки из провинции Лакония разводили как раз для сыскных дел.

Так что, если сам Сократ не обижался, так чего уж нам-то... Сказано «Искать!» — значит надо искать! Зачем Платону понадобился Кефал как рассказчик — об этом ещё будет сказано, но пока...

...Самое время привести ещё один отрывок из начала произведения, которому не уделяется должного внимания. А зря! Это серьёзная наводка для понимания сути всего сочинения.

Напомним, что вначале Зенон устно изложил присутствующим одно своё давнее сочинение, после чего Сократ сразу попытался вставить свои "пять копеек", красочно прокомментировав услышанное.

И вот что Зенон ему на это отвечает:

*«...ты не вполне постиг истинный смысл сочинения. Хотя ты, подобно лаконским щенкам, отлично выискиваешь и выслеживаешь то, что содержится в сказанном, но прежде всего от тебя ускользает, что моё сочинение вовсе не притязает на то, о чём ты говоришь, и вовсе не пытается скрыть от людей некий великий замысел. Ты говоришь об обстоятельстве побочном. В действительности это сочинение поддерживает рассуждение Парменида против тех, кто пытается высмеять его, утверждая, что если существует единое, то из этого утверждения следует множество смешных и противоречащих ему выводов. Итак, моё сочинение направлено против допускающих многое, возвращает им с избытком их нападки и старается показать, что при обстоятельном рассмотрении, их положение ['существует многое'] влечёт за собой ещё более смешные последствия, чем признание существования единого. Под влиянием такой **страсти к спорам** я в молодости и написал это сочинение, но, когда оно было написано, кто-то его у меня **украл**, так что мне не пришлось решать вопрос, следует ли его выпускать в свет или нет. Таким образом, от тебя ускользнуло, Сократ, что сочинение это подсказано юношеской любовью к **спорам**, а вовсе не честолюбием пожилого человека. Впрочем, как я уже сказал, твои соображения недурны».*

Такое подробное объяснение Зенона следует за первым же высказыванием Сократа относительно сути дела, то есть того, которое, — по мнению всех исследователей, — является главной темой сочинения.

Эта "суть дела" только впервые всплыла в беседах философов, а опытный Зенон тут же отвечает молодому и горячему Сократу, пытаясь отвлечь его от этой сути, указывая именно на то, что не в этом суть, что не это было главным в том его давнем сочинении.

Зенон при этом настаивает, что главным там была диалектика. Разумеется, в античном значении этого слова, которое переводится как *искусство ведения спора*. Они ведь там, – в древней этой Греции, – ещё не успели осознать "истинный" смысл этого термина, так как не все из них успели начитать Гегеля, неимоверными усилиями которого это понятие вообще перестало означать что-либо конкретное, особенно – в сочетании с им же исковерканным понятием *логика*. Ох, и не зря большинство из платоноведов позднего времени заодно и гегельянцы.

Итак, Зенон прямо заявляет Сократу: извини, мол, брат-Сократ, я написал это в молодости «под влиянием страсти к спорам» и оно [т.е. его произведение] «вовсе не притязает на то, о чём ты говоришь».

Получается, что Платон устами Зенона предупреждает читателя – будь внимателен, не в этом дело, не в том, о чём спрашивает Сократ. Однако, что нам – великим платоноведам – какой-то там Зенон. Ведь и ежу ясно, что и в данном фрагменте Платон впопыхах перемешал важное и второстепенное. К тому же, не сумев справиться со своей старческой говорливостью, предоставил Зенону для ответа не в меру большой абзац.

Ладно, пусть Зенон нам не товарищ. Ну, а как же Сократ? Ведь он с этим замечанием в свой адрес вполне соглашается, отвечая Зенону: «Принимаю твою поправку...»

Перед тем как перейти к следующим "мелким" странностям текста, не забудем одну деталь – упоминание Зенона о том, что рукопись с этим его сочинением кто-то похитил в те далёкие годы. Это замечание нам ещё пригодится. Опустим его пока в корзинку. Ведь мы на подножном корму. Питаемся тем, чем побрезговали поколения платоноведов.

Что ж, последнему поросёнку – последняя цицька. Утешает, правда, что количество "недочётов" у Платона не даст нам умереть с голоду.

Итак, мы остановились на недостойном поведении Зенона, который попытался уклониться от прописанной платоноведами идейной темы. Ему, видите ли, захотелось вспомнить молодость и кипевшую тогда страсть к спорам.

Тут на выручку идейным поклонникам приходит сам Парменид. Начинается его небольшая дискуссия с Сократом, которая прямо касается понятия *идея*. Они рассматривают идеи от "самого низа" до "самого верха" – от идеи единой парусины, покрывающей группу людей, до идеи всеобъемлющего *одного*.

В самом конце этой беседы, во время которой Парменид заставляет молодого Сократа "искать пятый угол", он спрашивает собеседника: «Что ж ты будешь делать с философией? Куда обратишься, не зная таких вещей?»

На это Сократ отвечает, что совершенно себе этого **не представляет**.

Не забавно ли? Вопрос об основах самой философии (!!!), заданный одним из классиков этой дисциплины (Парменидом), другому будущему классику – легендарному народному философу (Сократу), прозвучавший в сочинении особо почитаемого мудреца (Платона) – считается именно платоноведами не столь значимым.

Надо ещё заметить, что и выявленная Парменидом причина, из-за которой у Сократа остались неосмысленными некоторые философские детали, тоже засчитано профессурой-от-платонизма как не столь важная деталь данного труда философа.

Похоже, что метафизики-платоноведы отличали первостепенное от второстепенного в этом сочинении намного лучше, чем автор – Платон. Извлечём всё же это, брошенное в "отходы производства", пояснение Парменида:

«Это объясняется тем, Сократ, ...что ты преждевременно, не поупражнявшись как следует, берёшься определять, что такое прекрасное, справедливое, благое и любая другая идея. Я это заметил и третьего дня, слушая здесь твой разговор вот с ним, с Аристотелем. Твоё рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно, но, пока ты ещё молод, постарайся поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием; в противном случае истина будет от тебя ускользать».

Этот отрывок, как будет показано далее, для утилизации ещё вполне пригоден. Разбрасываться платоновскими замечаниями нам не к лицу.

3 Зачем Платону лже-Аристотель?

Понятно, что персонаж под ником “Аристотель” в произведении «Парменид» это не тот знаменитый Аристотель родом из города Стагир – будущий учитель Александра Македонского. Ведь описываемая беседа случилась почти за семьдесят лет до рождения настоящего Стагирита.

Имеем очередную необъяснённую платоноведами случайность, имя которой... – имя. То имя, которое Платон присвоил действующему лицу своей "пьесы". Опять малозначимое совпадение! Ясно ведь, что автор вписал первое же пришедшее на ум имя! Ну, спешил человек, ведь надо было поскорее начать разбираться с идеями – не до таких мелочей было!

Правда, немного свербит в голове тот факт, что само произведение Платон пишет всё же при действующем Аристотеле – своём нынешнем любимом ученике, и совершенно точно известно, что написанное будут читать члены основанной Платоном академии, и в первую очередь – сам живой Аристотель.

Ну, ладно, имя, но зачем же тогда и возраст, и статус персонажа в описываемых событиях он выбрал так, что сравнение с реальным, живым Аристотелем просто напрашивается?! Ведь такие мелочи, несомненно, отвлекут мысли его учеников от главного – от её величества Идеи?

Собственно, всё тут написанное, как раз и есть поиск того, **от чего** Платон хочет отвлечь внимание читателя, и **к чему** – привлечь?

Опять же, нам предлагается на такие вещи не обращать внимание. Очевидно потому, что **и х** кумир писал всё за один присест, по принципу: главное – побыстрее отобразить главное.

А главное, как известно, по мнению платоноведов – это идея идеи как таковой, и идея отдельных идей – в "эйдосах".

То есть, платоноведы рекомендуют принять без лишних разговоров похожесть персонажа (из произведения) на настоящего Аристотеля из ближайшего окружения Платона. Это случайность – как бы говорят нам. Однако, подобных "случайностей" в тексте – хоть пруд пруди!

А вдруг *количество* этих "случайных несогласованностей" породит нам под конец новое *качество*, как завещал великий Гегель. Ну что ж, посмотрим – перерастут ли случайности в закономерность.

Сейчас пришло время заглянуть в скупые строки текста, которые хоть что-то говорят об Аристотеле как персонаже.

Ещё раз вспомним: Платон даёт понять, что он не очень беспокоится о такой “мелочи” как... дословность передаваемых диалогов между философами (ведь Кефал рассказывает со слов, которые он услышал от... который, в свою очередь, ещё помнит, как когда-то беседовали...), но!..

...Но он почему-то вставляет детали, которые совсем несущественны для выбранной им “идейной” темы. Ещё раз – якобы несущественны.

Вот он, мимоходом замечает: *«Аристотель бывший впоследствии одним из тридцати»*.

По мнению многих исследователей речь, по всей вероятности, идёт о *«тридцати тиранах»* – участниках антидемократического переворота в Афинах в 403 году до н.э. и после этого три года удерживающих власть.

Казалось бы, автором потрачено столько слов на “чёрт знает что”, типа: на упоминание об отдаче кузнецу в ремонт уздечки; на объяснение того, кто и когда зашёл в помещение; как звали отца единоутробного брата встреченного в городе Адиманта, и пр. Но вот для Аристотеля автор почему-то пожалел всего только одно слово, чтобы читатель не ломал понапрасну голову – он не написал тридцати... *тиранов*, а ограничился лишь коротким – *...одним из тридцати*.

Вообще-то, ситуация ещё более странная. Оказывается, правление “тридцати тиранов” – это народная крылатая фраза, историческая помета, политическое клише.

Аналогично, после попытки переворота во времена Хрущёва, все газеты писали об *«антипартийной группе и примкнувшему к ней Шепилове»*, после чего выражение “и примкнувший к ней” стало идеологическим штампом.

Что касается *«тридцати»*, то в последующие времена достоверно известно было лишь о нескольких (около десяти) участниках переворота. Среди них был даже родственник самого Платона.

Исследователи ссылаются на знаменитого историка того времени – Лисия, который действительно перечисляет в разных вариантах около тридцати человек, хотя, как позже выяснилось, участие многих из них в перевороте или маловероятно, или не существенно.

Ну, точная ситуация антигорбачёвского переворота 91-го года с группой ГКЧП, число участников которой до сих пор неизвестно.

Но в нашем контексте странно другое. Дело в том, что в “хрониках” того и последующего времени, – как до, так и непосредственно после написания *«Парменида»*, – среди этих якобы тридцати диктаторов имя *«Аристотель»* ... не упоминается.

Поток текстуальных "недоработок" у Платона потихоньку нарастает.

Так как речь сейчас шла об Аристотеле, то перед тем как перейти от обвинений Платона к долгожданному "судебному процессу" над ним, не забудем ещё об одной, опять же, "незначительной" детали.

Когда Парменид попросил подобрать ему собеседника помоложе, то Аристотель-персонаж предложил себя: *«Я к твоим услугам, Парменид, ...ведь, говоря о самом младшем, ты имеешь в виду меня...»*

Прихватим в дорогу и этот отрывочек (*«Верёвочка? Давай верёвочку, в дороге пригодится»*).

4 О проблеме формы и содержания

Обычно в этом произведении комментаторы выделяют три части:

- I – пролог (или вступление, введение);
- II – беседу Зенона и Парменида с Сократом;
- III – диалог Парменида с Аристотелем (самую большую часть).

Казалось бы – что здесь особенного? Однако, похоже, что и в этом случае у Платона не всё так просто.

Перечислим очередные платоновские “недоработки” касательно *формы* (структуры) произведения, на которые платоноведы почему-то закрывают глаза. При этом не будем забывать, что по идее... о Боже, и здесь идеи... да, так вот, по идее *форма* должна всячески способствовать раскрытию *содержания*. Итак, о форме:

1) Форма пересказа для подачи содержания идёт (с чего бы это?) от "пятого лица" – некоего Кефала, который слышал это от... а тот другой, в свою очередь, от третьего... который и т.д., а записал всё это – Платон.

2) Распределение объёмов между этими (как бы) тремя частями нельзя назвать привычными, если, конечно, соотнести их с содержанием. Ведь в таком случае получается, что:

– Ещё как-то приемлемым можно считать размер лишь первой части, где описываются обстановка, время действия и другие [вроде бы] не первой важности детали. Это составляет около **2%** текста.

– Станным выглядит размер второй части – беседы Парменида и Зенона с Сократом, – в которой поднята тема об идеях. Её размер составляет не более **20%** от всего текста, что явно не дотягивает до права считаться основной. К тому же дискуссия часто отклоняется от собственно идейных проблем для обсуждения приёмов построения рассуждений. Но ещё удивительней, что эта часть заканчивается как бы подведением итогов дискуссии между философами.

– Неприемлемым по объёму является третья, завершающая часть – около **80%** сочинения. Имеется в виду беседа Парменида с его, так называемым, оппонентом (Аристотелем-персонажем). Тут, во-первых, не видно, что она является логическим продолжением предыдущих бесед. А во-вторых, эта часть как бы претендует быть основной, но является почему-то одновременно и заключительной.

Получается, что предлагаемое платоноведами деление на такие три части, как бы подчёркивает непонимание Платоном той простой вещи, что форма должна помогать раскрытию содержания?

Впрочем... а **какого именно** содержания? Учения **ли** об идеях?

Итак, мешок платоновских "чудаковатостей" уже вполне достаточно заполнен, чтобы начать раскрывать карты.

5 Цель написания произведения

Всё ранее описанное выглядит с высоты птичьего полёта как вроде бы независимые друг от друга, крупные и мелкие недоработки Платона. Иными словами, как отдельные – "*по разным поводам улыбки*".

Оказывается, что все эти минусы превращаются в плюсы, если их рассмотреть в совокупности, принимая вовсе иную формулировку цели написания Платоном этого произведения.

Итак, после выявления и *анализа* платоновских "промахов", можно приступить к решению обратной задачи – *синтеза*. Для этого посмотрим, **объединятся ли эти разного рода странности в цельность, если...**

...Если принять, что Платон и не замышлял создавать в «*Пармениде*» какое-либо учение о чём-либо, будь то *идеи, формы, многое* или *единое*. Вместо этого сделаем допущение, что это сочинение является своего рода философским ОТЧЁТОМ, оформленными итогами, выжимкой по проблеме, к которой пришла философия того времени, понимаемая как *любовь к мудрости*, но ставшая на колени перед абсурдами, которые по непонятным причинам возникают в диалектике [в античном смысле этого понятия, то есть, в *умении рассуждать, полемизировать*].

Попробуем обозначить, в чём именно заключалась эта проблема: **философия тех времён зашла в тупик, потому что философы не могли сформулировать – каким образом, то есть за счёт чего вроде бы верная цепочка рассуждений может приводить к противоречивым, абсурдным умозаключениям.**

Тут обязательно надо подчеркнуть, что данный отчёт одновременно является и "техническим заданием" ученикам платоновской академии, которое описывает возникшую проблему в *самой*, что ни на есть, основе философии – в *диалектике* – в искусстве рассуждений. Вполне логичным тогда следует признать выбор Платоном темы об *идеях*, так как на ней наглядно можно показывать проблемы диалектики.

Говорить же о том, что при написании «*Парменида*» Платон ставил цель разработку *учения об идеях*, и при этом собственноручно довёл свои рассуждения до абсурда высшей пробы... так думать – это всё равно что подозревать Зенона в том, что он, создавая свои апории, и в самом деле верил, что Ахиллес никогда не догонит черепаху, а стрела, пущенная из лука, в принципе не может долететь до цели.

Вообще-то, Платон не был первопроходцем в постановке задачи. Апории Зенона указывали на философский тупик кратко и точно, но эта гениальная краткость мешала восприятию апорий в качестве реальных философских проблем, хотя именно это они демонстрировали по своей сути. Лаконичность оформления превращала их в упражнения на досуге, в загадки из серии “философы шутят”.

В этом смысле сочинение Платона вполне может претендовать на нечто большее, нежели парадоксы Зенона, так как представляет собой развёрнутое (на фоне *беседы об идеях*) полное “техническое задание”, причём выполненное без какого-либо нарушения *@copyright* Зенона.

Теперь можно попробовать взглянуть на все ранее выявленные странности, подразумевая, что перед нами произведение совсем иного рода – чёткое описание проблемы и постановка задачи, а не *учение о...*

Сразу отметим, что с новых позиций совершенно адекватными будут выглядеть объёмы тех якобы несоразмерных «*трёх частей*», из которых состоит текст. Эти пресловутые «*три части*» превращаются на самом деле во вполне адекватные... три части, но(!) + *Приложение*:

1) **Вводная** часть – до начала беседы философов – отражает уровень исторической релевантности описываемых событий, о чём далее будет сказано подробнее. Это составляет 10% от этих новых трёх частей.

2) **Основная** часть – беседа философов (Зенон – Сократ – Парменид), где к Сократу под конец беседы Парменид обращается с вопросом: «...что же ты будешь делать с философией?». В этой части обозначены проблемы философии. Это составляет 70% от новых трёх частей.

3) **Заключение** – выводы, где формулируются гипотеза возможного выхода из кризиса (*Парменид*: надо больше упражняться для повышения мастерства рассуждений). А вот как “играясь” овладеть мастерством – смотри, мол, далее – в специальном *Приложении*, которое вынесено за рамки основного текста. Получается, что *заключение* составляет обычные 20% от этих новых трёх частей.

Приложение – сконструированные Парменидом вполне здравые рассуждения (в его псевдо-диалоге с Аристотелем), которые приводят к отдельным противоречиям, а в конце – к полному абсурду. Правилами жанра объём *Приложения* не регламентируется. Эти примеры являются как бы наглядным “справочным материалом” к основному тексту.

6 «А был ли мальчик?»

Итак, наше основное допущение состоит в том, что философия того времени зашла в тупик. Безосновательным это предположение назвать нельзя, а чтобы в этом убедиться, достаточно с «*вершины пирамид*» взглянуть на знаменитые парадоксы (апории) Зенона. Действительно, многие известные учёные, не говоря уже о любителях, на протяжении... веков дают логические опровержения тому "несомненно доказанному" факту, что Ахиллес никогда не догонит черепаху. Кстати, многие до сих пор "не догоняют" где в этих парадоксах скрывается подвох.

Но вот известно ли нам насколько остро чувствовали этот кризис мысли сами философы того далёкого "древнегреческого" времени?

Попробуем без учёных-посредников заглянуть, ну, прямо-таки, в рот самому Платону. Но в отличие от профессиональных платоноведов мы этого сделать не можем. Что ж, к своему стыду, придётся воспользоваться лишь его текстом. Извлечём из нашего "мусорника лишних платоновских мыслей" очередной фрагмент из вводной (но далеко не водной) части – из предисловия. Там легко можно обнаружить то, чем профи брезгуют.

Некий Кефал – конечно же, большой любитель всякой мудрости – рассказывает, что он (вместе с товарищами) прибыл из **Клазомены** в Афины специально, чтобы разыскать некоего Антифонта, который звался когда-то с хозяином "философского клуба" – Пифодором, где собирались почитатели этой дисциплины. Этот клуб однажды посетили прибывшие издалека Парменид с Зеноном. Там произошла их встреча с молодым ещё Сократом, который был одним из членов философского общества.

В предыдущем абзаце название местечка Клазомены совсем не зря было выделено жирным шрифтом. Ведь, чтобы как-то добраться до Афин, Кефалу со своими товарищам пришлось проплыть морем чуть ли не триста километров (отнюдь не на моторных катерах), а потом ещё по горным тропам пробираться в "столицу философии". И всё это лишь из чисто философского любопытства!

Поглядеть бы в глаза нашим платоноведам, которые решились бы на такое "лёгкое турне", чтобы удовлетворить своё философское влечение. Как бы они, интересно, справились с начальной задачей – что прихватить в дорогу (из еды, одежды и оборудования), чтобы хотя бы добраться до того места, где...

...Где, напомним, нужно было бы сначала лишь узнать, а собственно, вообще – жив ли ещё и здоров тот человек (Антифонт), которого помнил Кефал? Не говоря уже о том, захочет ли он вести многочасовой рассказ о *былом и думах*? Ну, а если откажется, то путешественникам снова надо собраться в дорогу, и обратно – домой, не солоно хлебавши.

Можно быть уверенным, что любой платоновед, проделавший такое туристическое упражнение на лодках по морю, а потом ещё и по горам на “своих двоих”, никогда бы не забыл прокомментировать подобную “незначительную” деталь в тексте Платона, несмотря на краткость фразы: *«прибыли из... Клазомены»*. По всей видимости, комментаторам Платона воображение рисовало прибытие лайнера *“Клазомены – Афины”*.

Попробуем теперь перевести эти и другие “второстепенные” детали из предисловия на понятный **нам** язык. Ведь Платону совсем не нужно было разжёвывать окружающую обыденность, так как, по нашей версии, произведение адресовалось в первую очередь ученикам его академии, которые в окружающем контексте прекрасно ориентировались.

Тут придётся пренебречь лаконичностью и тщательно пожевать эту жвачку, дабы выжать из неё остатки сохранившихся соков. Напомним, что мы питаемся подножным кормом, не имея прямого доступа к мыслям Платона (в отличие от платоноведов). Поэтому пофантазируем. Но так, чтобы каждой “фантазии” нашлось доказательство в тексте:

«Дорогие друзья, – как бы говорит Платон ученикам своей академии в предисловии, – посмотрите к чему нас привела эта повальная любовь к мудрости. Весь честной философский люд нашей древней Греции до сих пор не может прийти в себя от парадоксальных доказательств, которые были озвучены ещё сто лет назад. Рядовые любители философии в нашей стране не перестают удивляться. Ведь они не могут представить себе, что те абсурдные выводы, которые были “доказаны” нашими учителями, – Парменидом и Зеноном, и над которыми работал всеми нами уважаемый Сократ, – невозможно каким-то способом опровергнуть».

Ох и неспроста Платон уже в начале произведения упоминает об... Смеяться-то не надо, да! ...Упоминает об уздечке и лошадях.

И действительно, в прошлом влюблённый в философию Антифонт, который когда-то даже **выучил наизусть** (!) длительный пересказ бесед между Сократом, Зеноном, Парменидом и Аристотелем, решил в конце концов бросить своё хобби и заняться вместо этого... лошадьми.

По-видимому, он боялся сойти с ума, анализируя сформированные выводы в тех беседах, которые стали легендарными в философской среде не только Афин, но и всей Греции. Как тут не вспомнить нашего "русского папу", который, ознакомившись с домашним заданием сына, побежал в магазин за водкой (ну, не в сумасшедший же дом идти).

Итак, Платон с самого начала своего текста даёт понять членам своей академии, что есть проблемы в нашем философском королевстве, ведь прошло уже сто лет, но до сих пор мы не можем толково объяснить даже короткие апории Зенона. А не пора ли уже всё скрупулёзно разложить по полкам? Причём так, чтобы сам процесс рассуждений и обоснований предстал на блюдечке с голубой каёмочкой. Тот процесс, который ведёт к катастрофе в диалектике (в искусстве выстраивания умозаключений).

Собственно, как раз такой расклад он и описывает в *Приложении* – в беседе Парменида со стеной, называемой "Аристотель".

А вот из-за чего в безупречных рассуждениях Парменида появляется тот диалектический вихрь, который становится причиной возникновения абсурдного торнадо – это вам, мои дорогие "академики", решать.

Это то главное, о чём во введении говорит своим ученикам автор.

Причём, особый намёк Платона направлен Аристотелю – любимому, молодому, но всё же строптивому "академику". Внимай, мол, и не спеши выступать со скороспелкой перед стариком-учителем! Я, мол, гляди – столько лет терпел после смерти Сократа, с мыслями собирался, сочинял фундаментально! На тебя главная надежда, смотри, мол, у меня! Сейчас модные украшения на пальцах – не главное! Красивые кожаные ремешки на сандалиях и разные там накидки "от *Кристиан Диора*" – тоже!

Известно, что Аристотель не отличался скромностью Сократа в ношении одежд и украшений, из-за чего, по слухам, у него были мелкие столкновения с Платоном.

Кстати, а не кроется ли тут разгадка якобы недописанного Платоном слова «тиран», во фразе об Аристотеле-персонаже, где упоминается, что он впоследствии будет «одним из тридцати» [тиранов]?

Платоноведы и тут подозревают своего любимца. Хотя и прощают ему со всей благосклонностью недописанное (из-за обычной лени) слово «тиран». Бывает, мол, по себе знаемо. Однако почему бы не допустить, что, используя эзоповский язык, Платон прямо намекал на Аристотеля – своего ученика, одного из тридцати членов своей Академии?

С чего это вдруг мысленная дорисовка слова «*тиран*», значение которого... никакого значения для данного сочинения не имеет, считается нашими платоноведами логичней, чем вполне себе подразумеваемое **число студентов** платоновской Академии, для которых в первую очередь и писалось произведение (по-нашему – "техническое задание")?

Если это предположить, то фраза «*один из тридцати*» вовсе и не требует дополнений, ведь ученики прекрасно ориентируются среди себя самих – тех геометров, которые были приняты в платоновскую академию.

Девиз Академии Платона был: «*Не геометр, да не войдѣт!*»

Итак, только лишь исходя из анализа предисловия, можно сделать уже кое-какие выводы. К примеру, становится ясным почему в данном случае рассказ ведѣтся от некоего Кефала, а не от Сократа, как это обычно происходит в сочинениях Платона. Такой метод более чем оправдан. Ведь это позволяет автору:

- а) отгородиться от этической проблемы отношения ученика к своему учителю, то есть – к Сократу (рассказывает же не Платон, а Кефал);
- б) не быть ответственным за точность воспроизводимых бесед;
- в) расставлять нужные акценты за счёт внесения уточняющих реплик и замечаний в диалоги между философами;
- г) поддержать связь времѣн по линии «учителя-ученики», начиная с Парменида (и софистов) к Зенону, от Зенона к Сократу, от Сократа – к себе (то есть к Платону), а от себя к ученикам своей академии – тем, кому в первую очередь адресовано сочинение.

Настала пора вспомнить об обещанном разъяснении одного нюанса в цитируемом ранее отрывке. Там, где Зенон упоминал о том, что у него когда-то **украли** рукопись, написанную им в молодости под влиянием *страсти к спорам*.

Как же это понимать? Драгоценности, значит, не трогали, а рукопись молодого философа увели-с? Что-то не припоминается, чтобы в новой эре именно таким образом ограбили какого-нибудь известного платоноведа или метафизика.

Может быть для вас, читатель, указанная Платоном “уголовщина” не стоит и выеденного яйца. Но мы обязаны отнестись к этому серьёзно. Ведь не зря же автор об этом упомянул. Получается, что при написании данного сочинения он решил напомнить своим читателям, что сто лет назад произошло вот такое "ограбление века". Не удивительно ли?!

Действительно, прошёл целый век с той “знаменательной даты”, когда у юноши Зенона спёрли какую-то рукопись. За эти годы произошли немаловажные события, включая диктаторский переворот в стране, не говоря уже о войнах, в которых, кстати, участвовал и Сократ... а Платону понадобилось вспоминать, почему-то, именно о таком "преступлении" в своём, – ясное дело, – учении об идеях.

Однако именно нам – читателям «Парменида» (не путать с профи, читающими мысли Платона напрямую) – особо удивляться подобному воровству не должно. Пора уже привыкать. Ведь несколькими абзацами выше мы читали о не менее удивительном событии. Там перед нами предстал рассказчик – Кефал, которому только лишь ради того, чтобы ещё один раз послушать заученную Антифонтом легендарную философскую дискуссию, пришлось несколько дней плыть с друзьями на лодках по морю, а затем ещё и карабкаться по горам!

На этом фоне вор из учёной среды, который, не доверяя народным пересказам, стянул зеноновский пергаментный раритет, действительно смотрится обыденно! Ты прав, читатель! Мало того, мы (в качестве особо нравственных) готовы не только простить вору такую мелочь, но мы имеем полное право выразить своё "фи!" Платону! Он ведь посмел назвать кражей естественную тягу человека к истине.

Короче, позаимствовать у Зенона подобный бестселлер, ну, просто сам бог велел. А что, прикажите, делать, если неподдельная любовь к мудрости превозмогает?! Ведь (напомним ещё раз!) в той рукописи, по словам Зенона, кипели *страсти к спорам*. А какая же это любовь – без страсти?! Вот местные фанаты-от-диалектики и спёрли рукопись!

Ведь у сегодняшних фанатов тоже принято присваивать себе, например, шайбы, случайно попавшие на трибуну в результате бросков знаменитых хоккеистов. Возможно, это как раз и есть та единственная "философская" традиция, которую нынешние поколения унаследовали от древних греков.

Было ли на самом деле в Древней этой Греции нечто подобное, и действительно ли Парменид с Зеноном понаделали в философской среде такой шорох – утверждать трудно. Однако...

...Однако есть все основания говорить, что Платон с помощью таких вставок – “незначущих” отступлений – намеренно обращал внимание своих учеников на историческую важность возникшей проблемы, пусть даже и утрируя действительное пристрастие афинян к чтению очередного сборника “*Вопросы Философии*” тамошней академии наук.

Обратим теперь внимание на заглавие текущей главы наших “не по теме произведения” размышлизмов – к вопросу «*А был ли мальчик?*» (М.Горький@copyright). Намеренно ли Платон изобразил персонажа “Аристотель” в виде “мальчика на подхвате”, которому он не позволил “диалектничать” по-гречески, а поручил исполнять роль автоответчика в беседе с Парменидом?

Похоже, что мы и тут не без оснований можем предположить, что Платон хотел этим дать понять живому Аристотелю и о возлагаемой на него (любимого) тяжёлой ноше – решению проблемы, изложенной в “техническом задании”, и заодно намекнуть на важное обстоятельство, которое он должен учесть. А именно:

Я, мол, уже довольно стар – лет мне сейчас уже «...за шестьдесят пять» (см. соответствующий абзац о Пармениде в тексте Платона). Мне ещё много чего надо доработать за оставшееся время. К примеру, надо бы обещанную сицилийскую государственную сказку сделать былью, ведь... *мы рождены чтоб...*

Видишь ли, в таком возрасте каждый день на строгом учёте – как бы говорит своему ученику Платон. Мне сейчас бурные дебаты и споры не под силу. Успеть бы изложить письменно то, что копилось десятки лет.

Короче, Склифос... в смысле – Аристотель, вникай в поставленные мной диалектические проблемы, решай их, но на меня не рассчитывай (не сегодня-завтра улетаю снова на Сицилию, там начатое «*Государство*» “ждёт не дожждётся”).

Известно, что Платон в надежде построить город будущего по плану своего сочинения «*Государство*», всё-таки отправился на Сицилию ещё раз. Он рисковал многим.

Напомним, что в первый раз это посещение закончилось тем, что он попал там в тюрьму.

В общем, не возражай Аристотель, некогда мне, я сейчас в таком же положении, как и Парменид в те далёкие времена. Я своё дело сделал: разобрал, а также дополнил своими мыслями и его, и иже с ним – Зенона с Сократом. К тому же попытался упорядочить их наследие и выявить те проблемы, которые будут решать грядущие поколения. Так делали и мои предшественники, и так следует поступать моим ученикам.

Поэтому, дорогой мой студент, веди себя в данных обстоятельствах послушно, как описанный мною твой тёзка-персонаж. На тебя надежда! Ведь я вижу перед собой уже далеко *не мальчика, но мужа!*

Должен ли живой студент-Аристотель догадаться, что Платон имеет в виду именно его? По-видимому, должен!

Потому что его аналог из произведения учителя догадался же, что речь шла о нём, когда Парменид попросил подыскать ему собеседника помоложе, чтоб тот не очень-то ему и возражал.

Аристотель-персонаж тогда ответил:

«Я к твоим услугам, Парменид, ...ведь, говоря о самом младшем, ты имеешь в виду меня...».

7 Подайте идею... на пропитание

И всё же! Ведь можно возразить – обсуждают же Сократ, Зенон и Парменид различные идеи. Зачем же отказывать идейным поклонникам идей Платона даже в такой маленькой прихоти?

Нет, не отказываем! А боимся, что дай им палец, – откусят руку!

Несмотря на присутствие темы об идеях, следует ещё раз отметить, что само сочинение Платона ставит вовсе иную задачу: демонстрацию назревшей проблемы диалектики – как внешне корректные рассуждения приводят к противоречивым результатам. Показано **как**, а вот **за счёт чего** случается это как – задача для будущих поколений.

Попробуем найти соответствующие подтверждения в тексте.

Обратим ещё раз внимание на фразу Сократа после первого же его диалога – сразу после того, как Зенон указал ему, что обсуждаемое сейчас произведение, которое он написал ещё в молодости (и которое у него украли), вовсе не претендует на то, о чём спрашивает Сократ.

Целью написания Зеноном того украденного у него произведения была, по его словам, лишь демонстрация таких странных возможностей вроде бы вполне здравых рассуждений, которые не только высмеивали, но и вносили суматоху в умы тех философов, которые не соглашались с концепциями Парменида.

Сократ на эти слова Зенона ответил: *«Принимаю твою поправку...»*

Итак, из ответа Сократа выходит, что он вроде бы согласен закончить обсуждение зеноновского сочинения, так как выяснилось, что *«оно вовсе не притязает на то, о чём»* он пытался дискутировать. И тогда Сократ делает попытку начать новое обсуждение интересующей его проблемы как бы с чистого листа:

«...Но скажи мне вот что: не признаешь ли ты, что существует сама по себе некая идея подобия и другая, противоположная ей, – идея неподобия?»

При этом он сразу же берёт быка за рога и приводит развёрнутое и красивое пояснение своему вопросу.

Но в этот момент произошло некоторое замешательство. Напомним: любители философии собрались в клубе у Пифодора послушать вовсе не Сократа, а Парменида и Зенона, так сказать, "в подлиннике".

А тут опять со своей темой влезает молодой сократишка, которому маэстро уже один раз объяснил, что не об этом, мол, у меня в сочинении идёт речь, потому что там главное – это способ построения возражений. А Сократ (вроде бы уже согласившись с Зеноном) всё равно продолжает гнуть свою линию в присутствии живых классиков, ради которых все тут, собственно, и собрались (а не ради него – зелёного ещё философа).

Читатель может, конечно, такое понимание обстановки приписать необузданной фантазии автора-интерпретатора (решившего почему-то сыграть роль метафизика-неоплатоника). В качестве ответа на такое обидное сравнение хочется привести не мысли Платона, читаемые без труда всеми знаменитыми платоноведами, а всего-навсего его текст, для понимания которого достаточно быть учеником упомянутого 9-го класса. Вот что Платон пишет:

«Во время этой [сократовской] речи Пифодор [хозяин философского клуба] думал, что Парменид и Зенон будут досадовать из-за каждого замечания Сократа, однако они внимательно слушали его и часто с улыбкой переглядывались между собой, выказывая этим своё восхищение...»

Так почему же Парменид и Зенон, несмотря на опасение ведущего (Пифодора), не только не раздражались отклонением от темы, а совсем наоборот – их восхищали рассуждения Сократа, который вроде бы уже второй раз помешал обсуждению давнего зеноновского труда?

Так ведь, ясно почему!

Одно дело – рассказывать слушателям диалектические особенности на давнем и известном примере, а совсем другое дело – провести живую дискуссию с достойным оппонентом, которого они неожиданно увидели в Сократе. То есть продемонстрировать аудитории своё атомное оружие (искусство рассуждать) на чётко поставленном молодым философом вопросе.

Весь дальнейший недолгий, но красивый диалог с Сократом как раз и демонстрирует живую дискуссию, в которой опытный Парменид гонял Сократа по философскому полю, как сидорову козу. Техника владения процессом рассуждения приближалась к апогею.

После этого итоговый вопрос Парменида к обессилевшему Сократу выглядит сакраментальным: *«Что ж ты будешь делать с философией? Куда обратишься, не зная таких вещей?»*.

Как известно, Сократ на это ответил, что даже и не представляет как в таких случаях надо поступать. Парменид тут же указал на причину его бессилия:

«Твоё рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно, но, пока ты ещё молод, постарайся поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием; в противном случае истина будет от тебя ускользать».

Получается, что Парменида и Сократа не столь волнует сам объект рассуждений (то есть, сами идеи), сколько беспокоит способ построения суждений об этом объекте в процессе развивающейся полемики.

Такое завершение дискуссии показывает, что Платон ощущал всем своим нутром (“нутром Парменида”) недостатки именно в методике рассуждений. Он только не мог точно сформулировать изюминку этой проблемы – он предполагал, что дело просто в недостатке упражнений.

Это не умаляет ценности поставленной им задачи. В *Приложении* он привёл много примеров рассуждений Парменида, где ярко показан путь поэтапного наступления абсурда, выстраиваемого из незаметных глазу мелких противоречий. Ешь – не хочу!

Напомним, что это составляет почти 80% объёма произведения, оформленного (по нашей версии) как *"Приложение"*.

Стоит отметить очередную, – конечно же "несущественную" с точки зрения платоноведов, – особенность в высказывании Парменида. Когда ему предложили продемонстрировать методы рассуждений пригодные для упражнений, он прямо так и заявил, что для этих замысловатых *игр* (так и сказал!) ему удобно взять свою былую концепцию *о едином*.

Получается (по словам самого Парменида), что тему об идеях он выбирает, так сказать, в качестве игрушки. А сама *игра* как раз и состоит из длиннющего диалога с якобы оппонентом – Аристотелем.

Ведь это ж надо, какого непослушного Парменида воспитал в своём произведении Платон! Вместо того чтобы прямо сказать, без обиняков, что сейчас, мол, я – Парменид – буду развивать теорию идей *одного и многого*, он почему-то просит уступить ему, старику, и разрешить взять для своих *игр* не только самого молодого оппонента (ну, «*чтобы его ответы были для меня передышкой*»), но заодно и ранее опробованный в дискуссиях с другими философами материал.

Зенон на это “милостиво” согласился. Он ведь тоже, как и Парменид, не понимал сути утверждённого платоноведрами плана, состоявшего в том, что смысл диалога должен продвигать учение об идеях.

Дуралей-то наш – Зенон – был уверен, что сейчас его учитель будет, просто *израясь*, продемонстрировать высший пилотаж именно в способах рассуждения, а ведь, оказывается, надо было разрабатывать теорию идей.

Кстати, теперь понятен очередной нюанс в тексте Платона – зачем он озвучил, на первый взгляд, унизительную просьбу Парменида о том, что ему нужен *непритязательный* собеседник в предстоящем диалоге.

Известно, что платоноведам на такие особенности в тексте их кумира наплевать. Нам – нет! А ведь причина хоть и простая, но очень важная. Дело в том, что рассуждения Парменида на всём протяжении его якобы диалога с Аристотелем-персонажем, вовсе и не нуждаются в особом оппонировании, так как они, практически, безупречны.

В этом-то и главная беда!

Интересно ещё вспомнить, что и перед этим – в ходе беседы между Парменидом, Сократом и Зеноном – всё время встречаются замечания дискутирующих о качестве того или иного рассуждения. Платон каждый раз акцентирует внимание не на том *что* обсуждается, а на том *как* об этом говорится, то есть, правильно ли выстроены суждения. Внимания требуют не столько вопросы об идеях, сколько сам способ рассуждений о них!

В итоге у Платона получилось, что диалектические упражнения хоть и полезны сами по себе, но нужны ещё и некие критерии, помогающие обнаруживать ошибки в рассуждениях. Нужен инструмент, который бы помогал выявлять некорректности в суждениях даже у гроссмейстеров диалектики – таких, какими были Парменид, Зенон и Сократ.

В то время греки совершенно обоснованно связывали диалектику именно с искусством рассуждений. Ведь в то время ещё не было чётких формулировок логических законов, которые нельзя нарушать. Другими словами, красота была, по сути, единственным и главным оценочным критерием рассуждений.

Таким образом, Платон как бы призывает: нужна **теория!** Это и было, по нашему уразумению, целью написания сочинения «*Парменид*».

8 Неоплатоники и перипатетики

Неоплатониками называют тех, кого историческая философская молва записывает в продолжателей дела Платона, а *перипатетиками* называют последователей учения Аристотеля.

Из первых вырастут будущие теологи, идеалисты, метафизики – они же – главные платоноведы. Из вторых – теологи-схоласты, от которых позже отпочкнутся рационалисты. Ясно, что такая философская картинка получается, если её рисовать крупными мазками, глядя с Луны.

В связи с этим, надо заметить следующее. Соглашаясь с положением о том, что Платон создавал *«Парменид»* как "техническое задание", одна историческая особенность выглядит теперь прозрачней.

Вполне возможно, что именно это произведение Платона положило как бы начало, дало толчок указанным выше двум главным философским направлениям, двум течениям – *неоплатоникам* и *перипатетикам*.

Их общий исток хотя и возник в академии Платона, но в результате толчка образовалось ответвление "в лице"... аристотелевского лица.

Попробуем это объяснить.

Создав гениальную конструкцию полномасштабного абсурда как итог боя Парменида со своей тенью (в роли тени – Аристотель-персонаж), где для полного театрального эффекта не хватало лишь заключительной ремарки – *«Занавес!!!»*, Платон завершает своё сочинение.

Говоря сегодняшним языком, поставив последнюю точку в тексте, платоновская *«рука упала в пропасть с дурацким криком – Пли!»* (как пропел бы об этом историческом моменте Владимир Высоцкий).

И вправду, академический *«взвод отлично выполнил приказ!»*.

Философствующим массам был приятен в первую очередь сам фон произведения. Они со всех ног бросились расхватывать платоновские идеи по частям, разъединяя и объединяя их в передовые (для каждого исторического времени) всё новые и новые *«единые»*, *«целые»* и... *«одно»*, присовокупляя туда незабвенные *эйдосы*, *формы*, и *структуры*.

Мало кто хотел задавать вопрос самому себе – насколько правильно я выстраиваю свои суждения, и существуют ли вообще некие правила? Ведь куда проще выдавать на-гора новые идеи об идеях.

«...Но был один, который не стрелял».

Это был Аристотель. Свой идейный ответ "идейным" он предварил учением о *Первой философии*. А саму *первую философию* – первой в мире настоящей научной методикой. Методикой *всего*. То есть учением о том, какими правилами обязан пользоваться каждый homo sapiens (по-видимому, не исключая и будущих метафизиков), выстраивая свои рассуждения по любой теме. В том числе и рассуждая об идеях.

Аристотель, по сути, призывал человечество, опьянённое идейным нектаром, никогда не брезговать отрезвляющим огуречным рассолом в виде **закона [не]противоречия**, запивая всё это законами *тождества* и *исключённого третьего*.

Если эти законы, со всеми нюансами, неукоснительно соблюдать, вернее – не нарушать, и прикладывать их к больным местам тогдашней диалектики, то этим, по его мнению, можно будет в большинстве случаев препятствовать образованию абсурдных выводов. А ещё они помогают отделять, как говорилось в «*Пармениде*», – болтовню от рассуждений.

Прямо-таки, «болтовню» – согласно переводу «*Парменида*» на русский язык выполненного профессором Духовной академии В.Н.Карпова, 1852 г. В переводе Н.Н.Томасова использовано слово «пустословие» – тоже отлично!

Отсюда есть пошла главная предосторожность при всяком поиске, так называемой, истины – аристотелевские законы, которые указывают "всего лишь" на то, как её искать нельзя. Например, так:

...мы не должны мыслить (и, соответственно, говорить) о чём-либо, что оно [мыслимое] есть, и что его нет – в одно и то же время, в одном и том же отношении (а также со всеми другими возможными уточнениями, которые можно к этому «что-либо» применить).

А ежели буде такое обнаружено (одновременно – *есть* и *нет*), можно смело бумагу с мыслью оной предать огню.

История показала, что Платон оказался ещё и провидцем. Он сумел увидеть в совсем молодом своём ученике будущего великого мыслителя, и поручил ему решать самую трудную философскую задачу того времени.

Если бы Аристотель не написал «*Физику*», «*Логiku*», «*Поэтику*», «*Этику*», «*Риторику*», «*Политику*» и пр., и если бы он не собрал большую коллекцию минералов, насекомых и растений (при помощи обученных им людей в армии А. Македонского во время его походов), если бы... и т.д. и т.п...

...И если бы он оставил после себя лишь только описание методики рассуждений к «Первой философии», то этого было бы достаточно, чтобы считать его гением. А так получилось, что он не только гений всех времён и народов, но ещё и корифей, пусть и не всех наук, но, во всяком случае основоположник многих. Если ещё учесть, что большая часть его работ пропала... Хотя уже и так на Аристотеле негде “печатать”.

А где же наша философствующая особо идейная братия, выдающая себя за продолжателей дела великого Платона?

Всё как положено! После смерти Аристотеля они не позаботились о его наследии, потеряв множество его работ. Зачем же их хранить, если он позволял себе интерпретировать Платона неправильно – то есть, не как “знающие истину философы”! Правда, через пару сотен лет некоторые всё же опомнились.

Так, к счастью, Андроник Родосский составил подробную биографию Аристотеля, а также изучил, оформил, а потом и “переиздал” несколько его сочинений.

Он попытался собрать воедино все его сохранившиеся рукописи...

...И надобно ж беде случиться...

Объединяя часть из них в одно целое, он назвал их «Метафизикой» (*мета*- т.е. то, что следует после физики). И действительно рукописи были расположены на полке после трудов Аристотеля по физике.

Но «после» – **не** согласно смысловой структуре наследия гения, а по времени оформления найденных архивариусом сочинений.

Парадокс похлеще зеноновского состоял в том, что смысл того, что было сформировано под брендом «Метафизика», на самом деле таил в себе полную противоположность понятию *мета*- (т.е. *после*), так как в самих текстах этих работ неоднократно повторялись тезисы о том, что речь тут идёт о... *перед*:

а) тут, мол, написано то, что составляет Первую философию – то, с чего надо начинать, то, что следует учитывать *перед*...

б) мало того, это начало не должно нарушать введения в само это начало, то есть нельзя нарушать **закон [не]противоречия**, которым обязан пользоваться любой [в том числе и сам автор Первой философии].

А ежели в нарушении одного принципа сам Аристотель замечен будет, стреляй в него – в Стагирита, не жалей даже наставника Александра Македонского!

И вот это самое-самое первое правило, которое нельзя нарушать при развёртывании любой мысли, толпа, пришедшая в себя через два столетия после смерти Аристотеля, радостно кивая образу гения, встав на колени, решила окончательно называть словом *после* («*мета-*») как раз то, что должно называться словом *перед*.

Получилось исторически безупречно, т.е. – как всегда. Хотя, конечно, как всегда, хотели как лучше. Где, говорите, у вас левые двери? С правой стороны, где же им ещё и быть-то!

"Воистину истинные" философы (других не держим-с) почуяли, что на новом слове-понятии «*Метафизика*», которое вообще было случайно припилено к работам Аристотеля, причём, через сотню лет после его смерти, и которое никакого отношения к содержанию его работ не имело (и даже наоборот – отрицало содержание) ... да, так вот они почуяли, что на этом поприще можно заработать неплохой философский капитал.

Смотрите, мол, на нашем щите написано "*Метафизика*", а это знак того, что к нам причастен сам Аристотель! Короче, всем запомнить: кто против нас – тот против Аристотеля:

– Рота! Кто против "*Метафизики*" Аристотеля – шаг вперёд!

– Батальон! Несогласные с "*идейным учением*" Платона – выйти из строя! – вторило дальнее эхо.

В общем, «*пошла плясать губерния*» со своим двухтысячелетним танцем с бубенцами вокруг метафизического костра! Всё новые и новые поколения младофилософов расхватывали лейблы "*Метафизика*", как мясные бутерброды на вегетарианском обеде. Каждый вносил свой особый вклад в неосознанность связи между словом и его смыслом – между модным фирмовым понятием и расширенной до бесконечности возможностью интерпретации этого слова.

Дальше было закрепление успехов: перво-идейные с татуировкой "*Платон*" на груди почувствовали духовное родство с теми, у которых была в руках бирка "*Метафизика*".

Возник лозунг: "Пролетарии философского труда – объединяйтесь!" Объединились. Философия в образе идейной метафизики на многие и многие века застыла в разработке теологических концепций.

Это было время, когда христианство взяло древних греков к себе на вооружение. Бесперывному "расцвету" средневековья в этой области не помешала даже Эпоха Возрождения.

Шли годы, смеркалось. Но идейный энтузиазм не утихал и достойно встретил как двадцатый, так и двадцать первый век (двадцать третий и двадцать четвёртый от рождества Платона). Приверженцы идейного направления даже как гипотезу не рассматривали, что Платон мог этим сочинением указывать на сложившийся в то время кризис в философии. Так подумать – это значит лишить себя куска хлеба, выбить из-под себя платформу с фирменным знаком "*Платон*" – базу, с помощью которой можно втягивать свои философские измышления об идеях, спекулируя именем всем известного философа.

Добыча новых идей при раскопках в «*Пармениде*» не закончилась до сих пор. Новые издания, новые комментарии, новое интерпретирование мыслей Платона с помощью новых понятий, которые и не снились автору «*Парменида*».

Начальный комментарий А.Ф.Лосева к современному изданию: «*Когда Платон говорит о своих идеях, он всегда имеет в виду идею как порождающие модели*».

Тут профессор разъясняет нам, тугодумам, истинные мысли Платона, прочтённые им напрямую (текст – только помеха для истинного чтеца мыслей). Ведь Платон, как мы знаем, из-за своей невменяемости не мог подобрать воистину правильные, однозначные слова к своему замыслу. А оказывается, вот они – *порождающие модели*.

При этом и сам Лосев, и плеяда лосеведов и лоселюбов, даже и не озаботились уточнить – что они подразумевают под словом «*модель*»? Ведь это слово имеет два прямо противоположных значения. [Если, конечно, не учитывать другие значения слова «*модель*» в интерпретации журналов, типа, «*Play Boy*».]

Во-первых, *модель* как результат научного моделирования подразумевает некий *оригинал*, отдельные характеристики которого модель в себе воплощает. В таком случае наблюдение за оригиналом можно заменить наблюдением за моделью, воздействуя на неё в разных условиях.

К примеру, формула Ньютона является моделью (в данном случае – математической). Она моделирует силу притяжения между телами. Какая-либо внешняя схожесть оригинала с моделью в подобных случаях совсем необязательна. Для математической формулы её нет вообще.

Во-вторых, понятие *модель* может иметь и совсем другое значение: модель как *образец* – то, чему подражают, т.е. то, что должно являться как бы эталоном. Тут схожесть будет главным свойством модели.

В первом случае эталон – это *оригинал*, которому подражает *модель*. Во втором случае эталон – это сама *модель*, которой все подражают. Различие ровно такое, как между "ты украл" или "у тебя украли".

Опять же, что нам – великим платоноведам – до точности выражений собственных мыслей, когда мы заняты чтением мыслей Платона, и, ясное дело, – напрямую. А неверующим, что ж поделать, приходится объяснять "прочитанное".

Думаете, такой сарказм неуместен? Хорошо, тогда читаем дальше лосевский комментарий:

«...Однако он [Платон в «Пармениде»] далеко не всегда анализирует существо этой порождающей модели. И только в «Софисте» он дал диалектику пяти категорий...»

Так, между делом... и только в «Софисте» он дал... Это лишь мнение, что «Софист» был написан после «Парменида». Тут требуются серьёзные факты. А есть лишь гадание: бабка надвое сказала... К примеру, древнейшие составители трудов Платона помещали «Софиста» как раз **до** (а не после) «Парменида».

Итак, мы узнаём от Лосева, что в «Софисте» Платон дал диалектику пяти категорий. Сразу хочется спросить: это в каком же смысле Платон выдавал на-гора *диалектику*? Неужели в смысле *искусства ведения спора*? Или в похожем переводе – *диалектики как умения рассуждать*? Ведь в платоновские времена именно это, и только это понимали под *диалектикой*. И тогда выражение «дал диалектику пяти категорий» надо читать как... «дал умение рассуждать пяти категориям».

Хорошо бы перевести это на древнегреческий – для предков. Пусть пошевелятся! А то они залежались там в своих гробах.

Или Платон, по мысли Лосева, выдал «диалектику пяти категорий» в гегелевском смысле этого понятия? Но ведь гегелевская *диалектика* никакого отношения к древнегреческой *диалектике* не имеет!

Если так, то говорить о диалектике Платона – одного из корифеев той ещё диалектики, то есть мастера ведения дискуссий... Но при этом иметь в виду гегелевскую интерпретацию слова диалектика... Подобная идея анализа текста Платона может прийти в голову лишь по-настоящему идейному... противнику всякой любви как к логике, так и к мудрости.

Что тут можно сказать? Ведь подобных толкований «Парменида» со стороны философов, не озабоченных каким-либо пояснением вводимых ими понятий, – просто залежи. Сочинение Платона используется в таких случаях как средство для навязывания читателю своих метафизических взглядов под видом объяснений платоновского текста.

Подходы Аристотеля им совершенно чужды. Они пользуются другой, веками проверенной, метафизической практикой. Тут даже выработался свой стандарт: философствование выстраивается с помощью намеренно усложнённых понятий, которые в тексте "легко" объясняются, используя ещё более усложнённые понятия, которые, очевидно, будут объяснены на базе новых концепций в подготовленном к изданию новом “талмуде”, и т.д. Использование такого трафарета содержит в себе светлое будущее, в котором безработица среди метафизиков исключена.

У Аристотеля был противоположный метод. Он сложные понятия объяснял через простые. Каким же бесшабашным, неосторожным был он философом – всё время рисковал очутиться в ситуации с уже полностью объяснённым мирозданием, лишив себя средств к существованию.

Настало время вспомнить о той базе <идейных> знаний, которая веками служила платоноведам – была фундаментом метафизических комментариев. Знаменитым классиком в этой области считается Прокл – философ, живший в V веке, который проинтерпретировал почти все труды Платона. Его комментарии выступали в качестве сдерживающих сил учения Иисуса Христа. Это были попытки защититься от наступающего в начале первого тысячелетия христианства. Кончилось же это тем, что христианское учение просто “обустроило” платоноведение в своём доме на правах одного из своих предшественников.

Многие поколения платоноведов использовали труды Прокла как необъятный источник для развёртывания, уточнения и обоснования... своих собственных идейных концепций. Черпать материал было из чего! Объёмы исследований Прокла можно оценить по его комментариям к «Пармениду». Они занимают в книге около... 800 (восьмисот!) страниц.

[См. недавнее издание: Прокл... Изд. "Мирь", Санкт-Петербург, 2006].

Сам анализ сочинения Прокл выполнял по такой примерно схеме: брались очередные два-три предложения из текста Платона, которые комментировались на двух-трёх последующих страницах. Комментарии представляли собой теологические размышления, которыми (по мнению Прокла) руководствовался Платон при написании своего произведения.

Заключительные две сотни страниц этого труда Прокла стали потом "классикой жанра". В них дискутируется вопрос об истинном количестве гипотез, которые предположительно имел в виду Платон, развёртывая в «Пармениде» идею *единого*. Эта дискуссия (с самим собой) показала, что таких гипотез *девять*. Старт был дан! Последующие полторы тысячи лет многие платоноведы были озабочены вопросом о том – девять или всё же восемь гипотез выдвинул Платон в своём сочинении.

Тут можно лишь заметить, что известные споры о точном количестве ангелов, помещающихся на кончике иглы, представляются мимолётным дуновением теологической мысли в сравнении с пассатом дискуссий о восьми или девяти гипотезах Платона. Например, в комментариях Лосева к «Пармениду» значится лишь восемь гипотез. Алексей Фёдорович был не таким щедрым, как Прокл.

Попробуем теперь сравнить интерпретацию небольшого фрагмента в сочинении Платона, которую даёт Прокл, с “расшифровкой” этого же фрагмента, выданного нами ранее – в разделе **6**.

Имеется в виду тот отрывок текста, где говорится о прибытии Кефала со своими друзьями в Афины, когда они направились к дому Антифонта – бывшему фанату от философии. Тому, который когда-то выучил **наизусть** пересказ всего того, о чём идёт речь в произведении. Напомним, что в итоге он решил всё-таки заняться вместо философии – лошадьми.

По нашей версии он принял такое решение из-за боязни тронуться рассудком, разбирая те противоречия, которые образуются в результате безупречных, на первый взгляд, мудрствований философов.

Группа во главе с Кефалом, зайдя в дом Антифонта, была вынуждена немного подождать хозяина, так как в это время он передавал кузнецу в ремонт уздечку. Мы предположили, что этим нюансом Платон просто напоминает читателю: это тот самый бывший любитель философии – тот, который сменил это хобби на разведение лошадей. Вот и всё.

А что об этом же эпизоде мы читаем у Прокла? Эта ситуация – отдача уздечки кузнецу – растолковывается с помощью чтения мыслей Платона, который, как оказывается, имел в виду:

- а) божественный, демонический аспект кузнечного ремесла, и...
- б) не менее божественный ракурс понятия, цитата: «*накладываемой надлежащей меры*», которая воплощена у Платона в образе... уздечки.

Объяснению именно такой, цитата: «*богодемонической*» сущности поведения Антифонта посвящено у Прокла три страницы комментариев.

На всякий случай взглянем ещё раз на тот фрагмент платоновского текста, который подвергся таким комментариям платоноведа. А вдруг, повторное чтение откроет, наконец, в нашем сознании ворота того истинно метафизического взгляда на вещи, которого мы были лишены?

Итак, цитата из платоновского «Парменида»:

«...мы пошли к Антифону [это рассказывает Кефал] и застали его дома; он отдавал кузнецу какую-то уздечку, чтобы тот привёл её в порядок. Когда он освободился, братья рассказали ему, с какой целью мы пришли; он узнал меня, вспомнив мой прошлый приезд, и приветствовал».

Может эту штукину надо прогладить горячим утюгом, чтобы проступило то, что платоноведы видят невооружённым глазом?

Своё исследование этого отрывка Прокл завершает выводами о том, что, цитата: *«Единство и соприкосновение осуществляются благодаря промежуточным эйдосам, в каком-то отношении принадлежащим к тому же роду, что и те, с которыми происходит соприкосновение».*

У типичного "идейного" не должно закрасться даже сомнений, что именно так Платон и мыслил, изображая приход Кефала с друзьями в дом Антифона. Ну, разве что, полемику среди метафизиков может вызвать утверждение о «промежуточности эйдосов». Наверняка найдутся те, кто с этим не согласится и будет настаивать на их устойчивости в подобных случаях.

Ну, пусть поспорят. Во всяком случае, ни на кого из метафизиков мы не собираемся накидывать... "уздечку".

Собственно, платоноведы во все времена таким примерно образом и выстраивали комментарии к «Пармениду». Остаётся загадкой – а где до сих пор слоняются позитивисты с реалистами? Ау-у!

В заключение остаётся лишь напомнить одну мысль, которая уже была высказана в начале. Платоноведы на протяжении веков пытаются своей *плетью*, скрученной из собственных абсурдов, *перешибить* чисто учебный *обух* абсурда, выкованный великим Платоном.

Или иначе: своим реальным абсурдным *клином* они хотят *вышибить* показательный абсурдный *клин* Платона. Но ведь, удары-то – настоящие! И всё по голове. И успехи налицо – абсурд процветает.

Эх, нового Аристотеля бы сейчас! Да где ж его взять?!

Приложения

(Примеры использования законов Аристотеля на практике)

В предлагаемых *Приложениях*, в конце распоясавшийся автор, намерен показать, что давно известные парадоксы не только могут, но и должны разрешаться с использованием рассуждений, доступных пониманию обычному любителю философии, живущему, например в очень древней Греции

Другими словами, парадоксальные ситуации должны быть объяснены без привлечения разных там “высших” и самых, что ни есть, “чистейших” математик, “математических логик”, а также без “квантовых” и без “мета-”, сами понимаете, “-физик”

В общем, для начала, хорошо бы просто не нарушать законы логики Аристотеля

«Ахиллес и черепаха» - апория Зенона

В атории Зенона «Ахиллес и черепаха» доказывається, что самый быстрый бегун Древней Греции – Ахиллес – никогда не догонит черепаху.

Условие. Допустим, что Ахиллес бежит в 10 раз быстрее черепахи, и в момент старта он находился позади неё на расстоянии в 1000 метров.

Рассуждение. За то время, пока Ахиллес пробежит эти 1000 метров, черепаха проползёт в ту же сторону в 10 раз меньше, то есть 100 метров. За время пока Ахиллес преодолеет эти 100 м, черепаха проползёт – 10. Пока Ахиллес будет пробегать эти 10 м, черепаха продвинется на 1 метр... И так далее.

Вывод. Такой процесс будет продолжаться бесконечно, и Ахиллес никогда и не догонит черепаху.

Задача. Выявить причину парадокса, не привлекая сущностей более сложных, чем те, которыми Зенон оперировал 25 веков назад.

Решение. Парадоксальность атории выстраивается за счёт того, что на каждом шаге рассуждений рассматривается тот отрезок пути, который Ахиллес должен пробежать, чтобы очутиться (внимание!) на том месте, где черепаха была бы, если бы она не двигалась. Таким образом, всегда выбирается (снова внимание!) **заведомо меньшее** расстояние, чем то, которое мог бы пробежать Ахиллес, чтобы оставить черепаху позади.

Именно заведомо, так как заранее известно, что черепаха успевает отползти от того места, куда Ахиллесу каждый раз “предписывается” прибыть.

За счёт выбора заведомо меньшего отрезка пути на каждом шаге рассуждений, образуется бесконечность процесса рассуждений о беге, который интерпретируется как бесконечный процесс самого бега.

На этом можно было бы закончить анализ атории, так как выявлена та составляющая в рассуждении, которая приводит к парадоксу. Но всё же, не мешает заметить следующее. Если на первом шаге рассуждений выбрать **не заведомо меньший** отрезок пути, который согласно условию был форой (в нашем примере – 1000 м), а взять, допустим, расстояние в 1200 м (черепаха в этом случае успеет отползти на 120 метров), то сразу будет видно, что Ахиллес уже успел обогнать черепаху на 200–120, то есть на 80 метров. И весь процесс рассуждений о беге сразу заканчивается на самом деле даже и не начавшись.

Однако апория Зенона интересней, чем кажется на первый взгляд.

Следует кратко остановиться на ключевом выражении в апории: «Ахиллес никогда не догонит черепаху». Конечно же, любой человек прекрасно понимает, что, мол, если обогнал, то уж догнал – само собой разумеется.

Тем не менее, именно догнать черепаху Ахиллес действительно никогда не сможет. С гениальной краткостью это было провозглашено Аристотелем, когда его просто спросили: *Догонит ли Ахиллес черепаху?* Он ответил: *Догонит! Если, конечно, Зенон разрешит её... обогнать.*

За этой краткой формой скрываются глубочайшие мысли, которые были изложены Аристотелем в его трудах. Суть заключается в том, что время не дискретно, а непрерывно. Какой-либо *момент* времени как некая *граница* – это умозрение, чистая условность. Аналогично – прямая в геометрии, рассматриваемая в качестве *границы* на плоскости. Такая граница не имеет толщины, и поэтому таких *границ* можно прикладывать друг к другу, хоть миллиард раз, но толщина всё равно останется нулевой.

Аристотель говорит, что *момента* времени под названием “теперь” не существует. Этот “момент” не находится между(!) временами «до» и «после», а одновременно принадлежит и «до», и «после».

[Забавно, что понятие «одновременно» звучит в данном контексте (с точки зрения семантики) в абсолютно точном значении слова.]

Исходя из этих пояснений, невозможен момент времени, когда Ахиллес догонит черепаху, потому что такого момента времени просто физически не существует. Аналогично – не существует в пространстве той черты (*границы*), где бегуны поравняются, ведь у *границы* нет толщины. Аристотель гениально замечает, что любой период времени в принципе не представим суммой моментов-границ. Так же, как и плоскость – это не сумма примыкающих друг к другу параллельных прямых – *границ*.

Таким образом, положение Ахиллеса относительно черепахи может быть на физическом уровне либо как «до», либо как «после». Другими словами: или позади, или впереди черепахи.

Зенон сформулировал свои апории за сто лет до “выхода в печать” произведений Аристотеля, который не мог быть уверенным, что в апории слово *догонит* обязательно предполагает *перегонит*, поэтому на всякий случай он испрашивал символического “разрешения” у Зенона, чтобы кратко ответить на вопрос, и создал целую теорию – для полного ответа.

В общем, Аристотель справился с этой задачей на отлично. Впрочем, в апории «Стрела» тоже можно заметить и гениальность Зенона, который сформулировал задачу, и гениальность Аристотеля – принявшего вызов от “старших товарищей” по профессиональной любви к мудрости.

Парадокс лжеца

Самый короткий в мире парадокс состоит из шести знаков (включая пробел и точку): **Я лгу**. Сама задача формулируется тоже лаконично: **лжец ли тот, кто это произнёс (написал)?**

Парадокс вроде как состоит в том, что если говорящий на самом деле лжец, то он одновременно и не лжец, так как сказал правду.

Исключительная краткость формы этого парадокса вступает в дикое противоречие с временем... его решения. Поэтому не дать отпраздновать трёхтысячелетний юбилей – вот задание до конца этой... страницы.

Примечание: Понятие *лжец* в любом случае относится только к тому человеку, который *лжёт, зная*, что он *лжёт*. Иначе, он не лжец, а просто заблуждающийся или недалёкий, неосведомлённый, необразованный и пр. Таким же может быть и *правдивый* человек, но он не станет лгать, зная, что он *лжёт*.

Начать надо с задания точных формулировок возможных случаев. Рассмотрим все возможные варианты, относящиеся ко лжи:

- А) человек лжёт ВСЕГДА;
- Б) человек лжёт НЕ ВСЕГДА;
- В) человек НИКОГДА не лжёт.

Анализ вариантов А и В. Человек, который всегда лжёт, не может сказать «я лгу» по определению, данному в А), так как это будет правдой. Точно так же и в варианте В) человек, который никогда не лжёт не может сказать «я лгу» согласно определению в В), так как это будет ложью.

Следовательно, ни для варианта А), ни для варианта В) высказывание «я лгу» произнесено быть не может.

Анализ варианта Б. Согласно этому варианту человек, который лжёт не всегда, вполне может произнести «я лгу». Это совершенно не будет противоречить условию, заданному в Б).

Вывод. В связи с тем, что рассмотрены все возможные варианты, то автоматически возникает парадокс: а в чём, собственно, был парадокс?

Примечание: В данном решении не обсуждаются случаи, когда фразу «я лгу» произносит, например, попугай. Есть уверенность, что ни говорящие попугаи, ни вороны, а также автоответчики не подразумевались создателями этого парадокса.

Парадокс брадобреля

Парадокс брадобреля был сформулирован Бертраном Расселом в письме к Готлобу Фреге как иллюстрация к парадоксальности теории множеств Кантора. В парадоксе рассматриваются *все* выбритые мужчины в деревне.

Деревенский брадобрель бреет всех тех мужчин (и только тех), кто не бреется сам. Кто бреет брадобреля?

Парадокс в том, что любой из двух возможных ответов не годится:
1) если брадобрель бреется сам, то его не должен брить брадобрель;
2) если его бреет брадобрель, то он не должен бриться сам.

Покажем, что парадокса как такового просто нет.

Итак, в тексте "парадокса" рассматриваются *все* выбритые мужчины в деревне. Однако, эти же *все* выбритые мужчины представлены суммой двух слагаемых ($A + B$), где A – количество мужчин, которые бреются сами, B – количество тех мужчин, которых бреет брадобрель.

В случае, если брадобрель как мужчина и житель деревни выберит, то получается, что он включён:

- и в слагаемое A как бреющийся сам,
- и в слагаемое B как выбритый брадобрель,

из чего следует, что в состав *всех* выбритых мужчин деревни брадобрель входит ДВА раза. То есть, количество *всех* мужчин деревни, получаемое из суммы ($A + B$) на единицу больше, чем количество действительно *всех* выбритых мужчин деревни.

В случае, если брадобрель не выберит, то выйдет, что он не включён:

- ни в слагаемое A как бреющийся сам,
- ни в слагаемое B как выбритый брадобрель,

из чего следует, что в состав *всех* выбритых мужчин он вообще не входит, так как ($A + B$) на единицу меньше, чем количество всех выбритых.

Таким образом, понятие *все* на протяжении одного рассуждения, означает не одно и то же, что и есть нарушение главного закона логики любых рассуждений, а именно – аристотелевского закона *тождества*.

Получается, что до самих двух вопросов (1 и 2), которые формируют "парадокс", дело даже и не дошло, так как нарушение закона тождества случилось ещё на этапе формулировки условия парадокса.

Разрешить или запретить парадокс Рассела?

Лаконичная запись парадокса Рассела о множествах звучит так:

Условие.

Пусть дано множество **C** всех множеств, не содержащих *самих себя* в качестве своего элемента.

Выводы.

Возникает парадокс, который заключается в том, что:

- если **C** не принадлежит **C**, то (по определению **C**) **C** принадлежит **C**;
- если **C** принадлежит **C**, то (по определению **C**) **C** не принадлежит **C**.

Такая, форма записи наглядно разграничивает *условие* парадокса и *выводы*, противоречие в которых образуют собственно парадокс.

Довольно дискуссионное понятие "всех" [множеств] здесь можно не рассматривать. Причём не только потому, что оно связано с понятием *бесконечность*, которое, в свою очередь, ещё более дискуссионное, но и по иной причине. Этого можно не делать, поскольку в *условии* парадокса есть не менее спорное выражение – "самих себя". Оно создаёт проблему ничуть не меньшую, чем понятие "всех множеств".

Чтобы осознать выражение «множество, не содержащее *само себя* в качестве элемента», надо сначала разобраться с альтернативным: «множество, которое [всё же] **содержит *само себя*** в качестве элемента».

К этому выражению можно подойти с двух позиций:

А) с позиции "приземлённой" аристотелевской логики, и...

Б) с позиции "небесной", так называемой, *чистой* математики – той, что сформировалась как отклик (подчеркнём!) на парадокс Рассела.

А) Первый подход подразумевает, что множество, которое содержит *само себя* в качестве элемента, должно каким-то образом возникнуть.

Не обязательно, конечно, в материальном плане. Вполне достаточно сформировать его в уме путём логического рассуждения. Однако сделать это невозможно, потому что, вообразив в уме какое-либо множество, и помещая в него *самого себя*, мгновенно обнаруживается, что:

– мы туда поместили множество, которое ещё не содержало *себя* в качестве элемента;

– при этом изначальное множество стало другим (содержащим то, чего раньше не было).

Таким образом, множество "внутри" (являющееся элементом) не то же самое множество, что "снаружи", которое пополнилось этим новым элементом, ведь, помещаемое множество было без оного.

Получается, что у выражения *само в себя* составляющие "само" и "себя" означают **не** одно и то же, хотя их считают эквивалентными. Это есть ничто иное, как нарушение закона тождества: задумывалось, что "само" и "себя" – это одинаковые сущности, а на самом деле они разные.

Из этого можно сделать вывод, что парадокса как такового нет из-за логической ошибки (нарушения аристотелевского закона тождества), ещё на стадии *условие* задачи, то есть ещё **до выводов**.

Примечание: понятие *возникновение* какого-либо математического объекта (в рассматриваемом случае – формирование множества якобы содержащего *само себя* в качестве элемента) было вообще исключено из рассмотрения в новейшей математике как незаконное (см. ниже).

Б) Второй подход не подразумевает этапа *возникновения* множества. Причём, вообще. Любого. В том числе и содержащего *самого себя*... Потому что математические объекты в чистой математике не возникают, а они сразу же существуют в заданной аксиоматической "реальности". Чтобы отвергнуть их существование, надо указать, что они противоречат аксиомам или, что сами аксиомы противоречивы. При этом считается плохим тоном акцентировать внимание на том, что некоторые аксиомы как раз и вводились, чтоб никто не вздумал отрицать *существование*.

Таким образом выходит, что в новейших теориях множеств данный парадокс... тоже не существует, но не потому, что математиков волновало логическое противоречие в выражении «*сам в себе*»! Парадокс признали парадоксом из-за выражения «*множество всех множеств*», и для борьбы с ним были созданы новые аксиомы.

Вопрос же с понятием "*сам в себе*" вообще не считался достойным внимания, так как хрустальной чистоты математики решили запретить любые упоминание о таких вещах как возникновение математических объектов. В общем, математическое сообщество решило одним махом покончить со всеми этими дьявольскими творениями и – перекрестясь – побожилось считать, что математические объекты не возникают, а **даны** нам от... (тут, обычно, указательный палец у виска направляется вверх). То есть, они (объекты) начинают существовать сразу после произнесения чего-либо после волшебного слова "пусть", а уж забота о появлении в уме математика такого математического объекта возложена на всевышнего.

Такой подход к понятию *существование* в математике был впервые озвучен Г. Кантором в самом конце XIX века, когда он разрабатывал свою непротиворечивую математику на основе теории множеств.

Интересно заметить насколько сильно перекликается подход Кантора с теми метафизическими приёмами неоплатоников, о которых много говорилось в предыдущих главах. Георг Кантор разрабатывал теорию множеств, чтобы математически строго доказать... божественную безграничность мироздания (то есть “актуально” бесконечно-божественную). Из-за этого он даже повздорил со своим бывшим преподавателем и покровителем, профессором Берлинского университета, Л. Кронекером. Зато по ходу разработки своей теории множеств он всё время вёл активную переписку с... Ватиканом. Там его поддерживали. Жаль, конечно, что Кантор страдал душевными болезнями и свою жизнь закончил в психиатрической больнице.

Чуть позже знаменитый Д. Гильберт лаконично сформулировал этот принцип *существования* в математике (имеется в виду существование без возникновения), провозгласив его основополагающим подходом под красивым лозунгом: *если непротиворечиво, значит существует*.

А вот те случаи, когда это *существующее* не может возникнуть в принципе, то есть вообще никак, даже в уме, – это не вашего ума дело.

Однако в таком подходе есть “детальки”.

Во-первых, сами аксиомы без помощи естественного языка не могут быть заданы. Но слова и выражения в языке обладают лишь интуитивной строгостью. То есть, возникает очевидное несоответствие [противоречие] между исключительной, – чуть ли не абсолютной, – строгостью теории множеств и тем фундаментом, на котором это здание стоит (интуитивные понятия на естественном языке, содержащиеся в аксиомах).

Во-вторых, после построения Гильбертом строгой аксиоматической арифметики, когда он работал над такой же строгой аксиоматикой всей математики, появилась работа Курта Гёделя (ученика Гильберта), где было показано, что не всё в математике доказуемо чисто формально.

Опять же... “Метафизического” математика Гёделя больше всего беспокоила чистота математики в рамках... “мироздания”. Он умер в клинике, где лечился от параноидального психоза. Становится грустновато от невольного возникающего вопроса: метафизические подходы – это *причина* или всё же *следствие* таких душевных состояний?

В общем, в настоящей математике (математики от самого Н.Бурбаки) метафизическая чистота остаётся главным вопросом: стерильна ли она в актуально бесконечном понимании, или эта стерильность не выходит за пределы своего “ничтожного” потенциально бесконечного проявления?

И в самом деле, чистота же никогда не повредит! Ведь известно, что кашу маслом не испортишь! Правда, уже больше ста лет математические чистюли пытаются делать булочки с изюмом, состоящие только из изюма, а кашу намереваются варить из одного только масла.

И всё же небезынтересно вспомнить как математики сражались за чистоту своей дисциплины в смертельной схватке с «множеством всех множеств» в парадоксе Рассела. В самом деле, разве можно вообразить осмысленную жизнь математика без оперирования с множеством всех мыслимых множеств мироздания? Ведь жизнь тогда будет прожита зря. Дверь в это светлое будущее, к счастью, открылась легко! Решили просто заменить это “высшее” множество (в словосочетании) на слово «класс». Получилось – «*класс всех множеств*». А для понятия *класс* быстренько сварганили новые аксиомы! Зато *все множества* теперь, как на ладони!

Что касается традиционного (прикладного) взгляда на математику, – не метафизического, – то есть рассматривающего её как инструмент, то для существования математических объектов требуется обязательное их конструирование, так как они моделируют реальные объекты. Даже если моделируются только лишь “воображаемо реальные” объекты.

Оказывается, за сто лет до Гёделя, выдающиеся математики – Гаусс и Коши – как бы символизировали такие подходы (чистый и прикладной).

Гаусс больше работал “в стол”. Он считал свои разработки ещё сыроватыми, недостаточно строгими [хотя они были строже, чем у других]. Поэтому он публиковал свои работы с большой задержкой и только тогда, когда там были убраны все “лишние” слова, особенно касающиеся неких сомнений и вариантов.

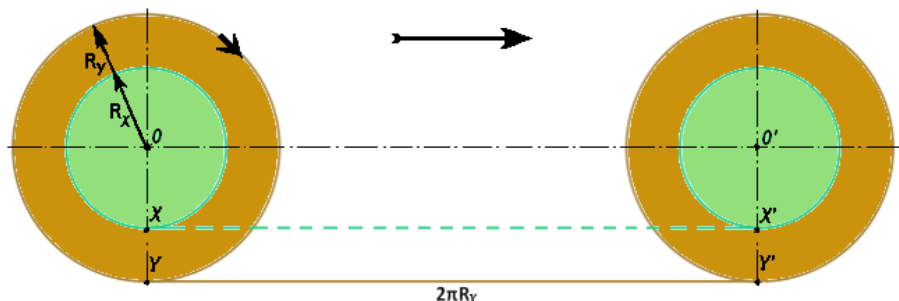
Коши поступал наоборот. Он считал, что другим математикам будут полезны и интересны его сомнения и “переживания”, и поэтому обставлял свои выводы пояснениями и предупреждал о ложных путях решения. То есть, он предоставлял возможность математической общественности заглянуть в его умственные закрома.

В этом смысле Гаусс считал, что Коши страдает математическим поносом. В свою очередь Коши отвечал, что Гаусса часто мучают математические запоры. Впрочем, пора “сливать воду”, так как эти перипетии совсем уж далеки от парадокса Рассела.

Парадокс «Колесо» Аристотеля

Данный парадокс представлен рисунком ниже. На большом круге находится (приклеен, нарисован) малый круг. У них общий центр – O . Радиус большого круга R_Y , а малого – R_X .

Большой круг катится по своей горизонтальной касательной.

Формулировка парадокса

Полный поворот большого круга соответствует отрезку $YY' = 2 \cdot \pi \cdot R_Y$, то есть длине его окружности. При этом малый круг, заодно с большим, делает такой же полный поворот, и точки O, X, Y становятся точками O', X', Y' .

Отрезок XX' на касательной к малому кругу будет после поворота равен отрезку YY' на касательной к большому кругу. Тогда получается, что длина окружности малого круга равна длине окружности большого!

Разрешение парадокса

Этим парадоксом много столетий занимались известнейшие учёные. В итоге, такую парадоксальность сейчас объясняют не на геометрическом, а на физическом, кинематическом уровне. Математика как бы сняла с себя ответственность за “возникновение одинаковости” длин большой и малой окружностей. Она согласилась считать настоящим виновником этого недоразумения некое проскальзывание по касательной малого круга при повороте большого. Перефразируя древнюю надпись при входе в Академию Платона, можно сказать: «Геометр, да не войдёт!».

Интересно, что версия о скольжении появилась ещё в сочинении Галилео Галилея, где он обсуждает этот парадокс в диалоге с оппонентом. Но саму гипотезу о скольжении выдвигает именно оппонент! Галилей же, в свою очередь, довольно аргументировано на это возражает.

Препятствием к рассмотрению данного парадокса с геометрической точки зрения является неопределённое в геометрии понятие *качение*, которое традиционно считают относящимся к кинематике, где движения рассматривают не только в пространстве, но и во времени. Однако именно *время* при таком простом перекачивании круга можно вообще никак не учитывать на фоне “вопиющего равенства” длин окружностей.

Собственно, разбор этого парадокса в сочинении Галилея не касается кинематики. Для подробного объяснения именно геометрического смысла *перекачивания* надо в качестве первого шага вписать в большой и малый круги квадраты, а сами круги пока не рассматривать.

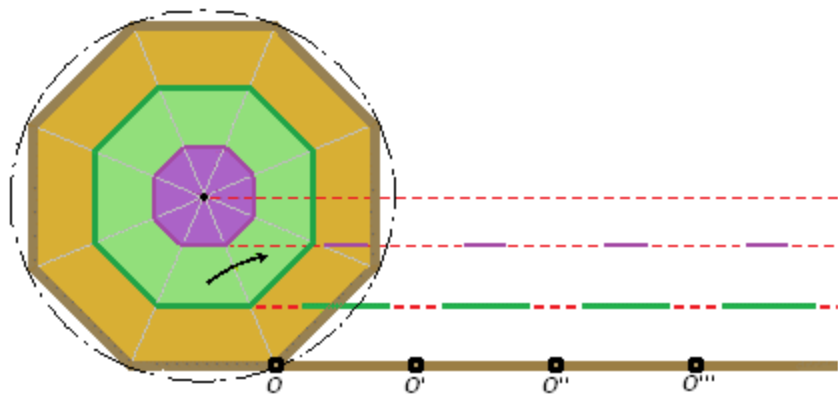

Здесь большой квадрат слева делает четыре поворота вокруг точек O, O', O'' и O''' . После 4-го поворота он снова займёт своё первоначальное положение, а на горизонтальной прямой, начиная с точки O , отложится его периметр. При каждом таком повороте квадрат будет приподниматься, опираясь на эту точку, а потом опускаться на очередную свою сторону.

Малый квадрат будет **поворачиваться** как одно целое с большим вокруг тех же центров поворота (O, O', O'', O'''), но **не перекачиваться** через них, так как эти точки лежат на горизонтали к большому квадрату. Он вместе с большим (приподнимаясь и опускаясь) тоже откладывает периметр, но на своей горизонтали. Главное, что этот периметр является не сплошной линией, а представляет собой четыре отдельных отрезка с пропусками. Они на рисунке помечены красным пунктиром.

Малый квадрат тоже может **перекачиваться**, но тогда центр такого перекачивания должен быть в его нижнем правом углу (в точке B). И тогда периметр отложится на его горизонтали одной сплошной линией – без пропусков. При этом большой квадрат будет поворачиваться вместе с малым вокруг этих же центров (начиная с точки B), но стороны большого квадрата будут тогда откладываться, перекрывая каждый раз часть своей предыдущей отложенной стороны. В этом случае большой квадрат, хотя и будет откладывать свои стороны одним сплошным отрезком, но из-за частичного наложения сторон суммарная их длина не будет периметром большого квадрата, а будет равна периметру малого квадрата.

Теперь, на втором шаге объяснения, надо удвоить число сторон у квадратов, преобразовав их в правильные восьмиугольники, которые вписаны в те же круги. И опять же, сами круги пока не рассматривать.

Для наглядности дальнейших пояснений на рисунке изображён ещё один (фиолетовый) восьмиугольник, который подобный двум другим.

Большой восьмиугольник при каждом повороте вокруг очередного центра (O, O', O'', O''' и т.д.) приподнимается, опираясь на точку поворота, а при опускании откладывает на горизонтали очередную свою сторону. Конечная точка каждой отложенной стороны становится следующим центром вращения. После восьми таких поворотов периметр большого восьмиугольника отложится на горизонтали в виде сплошной линии.

При этом внутренние восьмиугольники, поворачиваются заодно с внешним. Как и у квадратов, их периметры откладываются с пропусками, которые на рисунке, как и ранее, обозначены красным пунктиром.

Ясно, что эти пропуски у наименьшего (фиолетового) многоугольника будут длиннее, чем у зелёного, а длины отложенных сторон – короче. Центр многоугольников ничего не откладывает, поэтому соответствующая линия помечена красным пунктиром.

Если число сторон многоугольников ещё раз удвоить, а потом ещё, ещё и ещё (подразумевая, что они вписаны в большой и малый круги)... то объяснение самого процесса поворота останется тем же: периметр большого многоугольника всё равно будет иметь вид сплошной линии с точно отложенными сторонами, а периметры меньших – будут состоять из множества отдельных отрезков, которые разделены пропусками.

Интересно сравнить насколько периметр многоугольника с числом сторон **1024** отличается от длины окружности, в которую он вписан. Длину окружности можно вычислять, используя десять значащих цифр для числа π , а не шесть, как для **1024**-х угольника (см. выше).

Для примера можно взять большое аттракционное *колесо обозрения* диаметром в 100 метров, хотя обычно колёса такого типа имеют диаметр 40-60 м. Итак, надо определить длину окружности такого колеса и сравнить её с периметром вписанного в такой круг 1024-х угольника, оценив тем самым влияние более точного значения числа π .

Длина окружности, вычисленная со значением π до 10 знаков, будет:
 $\pi \cdot D = 3.141592654 \cdot 100 \text{ м} = 314.1592654 \text{ м} = \mathbf{314159.2654 \text{ мм}}$

Длина периметра 1024-угольника со значением π до 6 знаков будет:
 $\pi \cdot D = 3.14159 \cdot 100 \text{ м} = 314.159 \text{ м} = \mathbf{314159. \text{ мм}}$

Из полученных значений в миллиметрах видно несовпадение длины периметра такого многоугольника и длины окружности колеса (высотой в 30-ти этажный дом). Несовпадение составляет... 0.26 миллиметра.

Для колеса диаметром в 1 метр (то есть для колеса большой грузовой машины) аналогичное несовпадение длин составит 2.6 микрона. Если же взять многоугольник с количеством сторон 4096, то это различие будет меньше одного микрона. Разумеется, Кантор & К^о над примером такой реальности только бы посмеялись с высоты “абсолютной бесконечности”.

Парадоксы обычно возникают вследствие малозаметных нарушений законов классической логики в формулировке. В данном случае нарушен закон тождества Аристотеля, потому что сам процесс полного поворота малого круга представлен в парадоксе таким же, как и у большого круга на основании одинаковых их начальных и конечных положений.

Однако поворот малого круга **не такой же**. Он **не перекачивается** вокруг точек соприкосновения со своей касательной, **а поворачивается** вместе с большим кругом, который выполняет именно перекачивание вокруг точек касания **своей** окружности со **своей** касательной.

Таким образом провозглашаемое в парадоксе якобы равенство длин окружностей малого и большого кругов вполне опровержимо в рамках геометрии, то есть без привлечения таких понятий как *скольжение* или *проскальзывание*. Для объяснения не требуется также и традиционный пример с колёсами трамвая на рельсах [можно полностью игнорировать и тот несомненный факт, что на рельсы *Аннушка* уже пролила масло].